

ПИСЬМА
О ДЕМОНОЛОГИИ
И КОЛДОВСТВЕ

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Вальтер Скотт

**Письма о демонологии
и колдовстве**

«Автор»

2026

Скотт В.

Письма о демонологии и колдовстве / В. Скотт — «Автор», 2026

«Письма о демонологии и колдовстве» – последняя книга Вальтера Скотта, изданная при его жизни. В ней соединились все лучшие черты таланта знаменитого писателя: любовь и внимание к истории, тщательность обработки письменных и фольклорных источников, романтическая склонность к необычайному и загадочному. В книге собран, проанализирован и изложен огромный материал по традиционному европейскому и прежде всего шотландскому колдовству. Строгость профессионального юриста, обширная эрудиция историка, прекрасный слог поэта и исторического романиста – всё это делает книгу, изданную впервые в 1830 году, не только литературным памятником своего времени, но и актуальным чтением для современного эзотерика, желающего изучить историю и корни своего призвания.

© Скотт В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Sir WALTER SCOTT	5
От издателя	6
Предисловие к английскому изданию 1885 года	7
ПИСЬМО I	12
ПИСЬМО II	35
ПИСЬМО III	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Письма о демонологии и колдовстве

Sir WALTER SCOTT

LETTERS ON DEMONOLOGY AND WITCHCRAFT

Перевод с английского:

Вольф Лемберг

Татьяна Бородин

Алексей Лобанов

Иллюстрации *Джорджа Крукиенка*

От издателя

«Письма о демонологии и колдовстве» – последняя книга, написанная сэром Вальтером Скоттом и изданная при его жизни. В ней соединились все лучшие черты таланта знаменитого писателя: любовь и внимание к истории, тщательность обработки письменных и фольклорных источников, романтическая склонность к необычайному и загадочному. В книге собран, проанализирован и убедительно изложен огромный материал по традиционному европейскому и прежде всего шотландскому колдовству. Строгость профессионального юриста, обширная эрудиция историка, прекрасный слог поэта и исторического романиста – всё это делает книгу, изданную впервые в 1830 году, не только литературным памятником своего времени, но и актуальным чтением для современного эзотерика, желающего изучить историю и корни своего призвания.

Черновая рукопись перевода «Писем о демонологии», созданная Вольфом Лембергом ещё в конце 80-х годов прошлого столетия, была передана Таро-Клубу его вдовой, Ольгой Лемберг для завершения работы над переводом и дальнейшей ее публикации. Мы выражаем благодарность всем, кто принял участие в подготовке к изданию этой книги и посвящаем этот труд Ольге Лемберг.

Предисловие к английскому изданию 1885 года

Книга Вальтера Скотта «Письма о демонологии и колдовстве» предназначалась для серии, выпускавшейся Джоном Мюрреем¹ в промежутке между 1829 и 1847 г. и составившей восемьдесят томов под общим названием «Семейная библиотека Мюррея». Планировалось, что серия охватит широкие пласты добротной литературы, которую читатель сможет приобрести в дешёвом издании из расчёта пяти шиллингов за том, а «Письма» Скотта, написанные и опубликованные в 1830 году, стали одним из первых её выпусков.

Осенью 1826 года было основано «Общество по распространению полезных знаний», а Чарлзу Найту², разработавшему и представившему план создания Национальной библиотеки, в июле 1827 года было поручено руководство её изданиями. Первые брошюры стоимостью по шесть пенсов выходили раз в две недели. А являвшиеся её составной частью «Британский альманах» и Приложение к «Британскому альманаху» стали выпускаться с начала 1829 года. В том же году Чарлз Найт начал выпуск своей собственной «Библиотеки занимательных знаний». Тогда же стала издаваться «Семейная библиотека» Джона Мюррея, а весной 1832 года, когда был принят «Билль о правах»³, стремление донести до широкой публики достойную литературу через дешёвые журналы и книги вылилось в создание «Эдинбургского журнала Чемберса» на Севере и «Журнала за пенни» в Лондоне.

Осенью того же 1832 года, а именно 21 сентября, сэр Вальтер Скотт умер. Первый «звонок» о грядущем близком уходе прозвучал ещё в феврале 1830 года, когда писателя поразил апоплексический удар. К нему приехала его старинная приятельница и привезла мемуары своего отца, на которые Скотт обещал написать рецензию для последующей публикации. В течение получаса он сидел, склонившись, за столом и как будто бы читал эти мемуары, затем поднялся, неверным шагом проследовал в гостиную и упал. Дар речи вернулся к Скотту лишь после кровопускания. Просидев несколько недель на водно-бобовой диете, он настолько поправился, что лишь изредка видевшие его друзья дома при встречах не замечали почти никаких следов болезни. В таком состоянии спустя всего месяц после удара он принялся сочинять «Письма», а также занялся четвёртым выпуском «Дедушкиных сказок». Между тем, уже имело место некоторое размягчение мозга, что обнаружилось после смерти. Но никуда не исчезли давний талант рассказчика и вкус к историческому анекдоту. Именно эти качества позволили в самом начале писательской карьеры Скотта критику, рецензировавшему его «Менестрелей Пограничья», заявить, что там содержатся завязки сотни романтических историй. Именно это и придаёт написанным Скоттом «Письмам о демонологии и колдовстве» трогательно ощущаемое нами очарование. Возникающие порой свои мысли и стилия – это всего лишь лёгкое колебание светильника, дающего, как и прежде, яркий, всё заливающий свет. Здесь практически незаметна та ущербность мастерства, которую мы обнаруживаем в более поздних вещах, таких как «Граф Роберт Парижский» и «Опасный замок», опубликованных в 1831 году как четвёр-

¹ Джон Мюррей (1778–1843) – британский издатель и книготорговец. При участии Вальтера Скотта издавал знаменитый литературно-критический журнал «Quarterly Review», основанный с 1808 г. Также Мюррей известен как издатель произведений Дж. Г. Байрона (с 1811 г.). – Прим. Т. Бородиной.

² Чарлз Найт (1791–1873) – британский издатель, редактор и писатель. Особенную заслугу его составляют исполненные им для Общества по распространению полезных знаний (Society for the Diffusion of useful Knowledge) издания: «British Almanac and Companion» (1828), «Penny Magazine» (1832–1845) и «Penny Cyclopaedia» (I—XXX, 1833–1858). – (Брокгауз и Евфрон, энциклопедический словарь. 2012). – Прим. Т. Бородиной.

³ Имеется в виду Билль о правах 1832 г., по которому была осуществлена парламентская реформа, позволившая партии вигов одержать победу над партией тори в английском парламенте. – Прим. Т. Бородиной.

тый выпуск из собрания новых *Сказок моего хозяина*⁴, явившихся завершением его творческого пути в шестидесятилетнем возрасте.

Мильтон⁵ как-то сказал, что тот, кто не обманется в собственных ожиданиях писать хорошо о достохвальных вещах, достоин быть поэмой о самом себе. Жизнь Скотта и была такой поэмой о самом себе, где каждая написанная им строка окрашена музыкой. В дни ранней молодости ощущение неограниченности собственных творческих сил побуждало его спешить, чтобы поскорее стать богатым, – ведь он был отцом семейства. Но его жизненный идеал, проникнутый романтическим гением, не имел ничего общего с недостойной корыстью. Просто писатель стремился добросовестно исполнять свой долг по отношению к близким. Для сэра Вальтера Скотта здравый смысл, как отмечал лорд Кокберн, был ещё более замечательным даром, чем его гений. Когда явившийся ошибкой деловой союз с Джеймсом Баллантайном⁶ привёл его в 1826 году к торговому разорению, Скотт не пожелал объявить себя банкротом, принял на себя всё бремя долга в размере 130 000 фунтов и посвятил всю оставшуюся жизнь успешному его погашению. То, что на момент смерти оставалось невыплаченным, было позднее перекрыто благодаря объявленному ранее изданию романов. Ни одна легенда о подвигах, совершённых на ратном поле, не может быть столь же героической, как рассказ о последнем периоде жизни Скотта, когда он в течение пяти лет вёл смертельную борьбу с постигшим его несчастьем, вдохновляемый истинным чувством чести. Когда разорение уже надвигалось, он записал в дневнике о себе в третьем лице: «Если дела в Лондоне будут обстоять худо, волшебная палочка Неведомого поневоле выпадет у него из рук. Праздник вымысла закончится, как только исчезнет ощущение независимости. Он больше не будет с наслаждением просыпаться по утрам со светлыми мыслями в голове, спеша доверить их бумаге. Ему не придётся потом ежемесячно их перечитывать, чтобы «заделать прорехи» в бюджете, и не позволять себе расточительство; подменять воображаемые блуждания перспективой прогулок,

*Где источники и грот,
И куда нас страсть зовёт.*⁷

Невесёлая эта запись заканчивается, впрочем, вполне утешительным соображением: «Такого уже не будет, но я смогу заняться подсобным хозяйством – то есть, писать историю и заниматься всем прочим, к этому относящимся». Так и произошло. Можно сказать, именно под давлением всех этих неурядиц сэр Вальтер Скотт вынужден был прославиться как автор «Уэверли». На этом испытания, впрочем, не кончились. Вскоре последовала смерть жены, бывшей в течение тридцати лет подругой его жизни. «Я побывал у неё в комнате, – пишет он в мае 1826 года, – там не звучит её голос, всё недвижимо, а на постели до сих пор виден отпечаток гроба, уже перенесённого в другое место; все аккуратно прибрано, как она любила, но в этих тишине и покое – сама смерть. Помню, как видел её в последний раз – она приподнялась в постели и попыталась взглянуть на меня, говоря с подобием улыбки на устах нечто невнятное: “У тебя все лица такие меланхолические”. Это были последние услышанные мною от неё слова, и я поспешил прочь, ибо она уже не соображала, что говорит; но когда я тотчас же вернулся,

⁴ Tales of My Landlord (Сказки моего хозяина) – серия романов сэра Вальтера Скотта, которые образуют подмножество так называемых Романов Уэверли. Серия состоит из четырёх частей: «Чёрный Карлик» (1816), «Сердце Мидлотиана» (1818), «Невеста Ламмермура» (1819), «Граф Роберт Парижский» (1832). – Прим. Т. Бородиной.

⁵ Джон Мильтон (1608–1674) – английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов. Один из самых знаменитых литераторов 1650-х годов – яркой эпохи Английской революции. – Прим. Т. Бородиной.

⁶ Джеймс Баллантайн (1772–1833) – английский адвокат и печатник, организовал вместе со своим братом Джоном и Вальтером Скоттом типографию в Эдинбурге. – Прим. Т. Бородиной.

⁷ Цитата из стихотворной драмы «Прекрасная доблесть, или Страждущий безумец» (1615 г.) английских драматургов Джона Флетчера (1579–1625) и Томаса Миддлтона (1580–1627). – Прим. Т. Бородиной.

она была погружена в глубокий сон. Теперь он ещё более глубок. То же, о чём я говорю, случилось всего лишь семь дней назад. Теперь украшают комнату прощания, ту самую, которая долго была апартаментом супружеского счастья, и этими приготовлениями (которые сделали бы честь и более богатым домам) она могла бы гордиться. Теперь ходят быстро и не таясь. Неделями звук шагов был событием. О, Господи!»

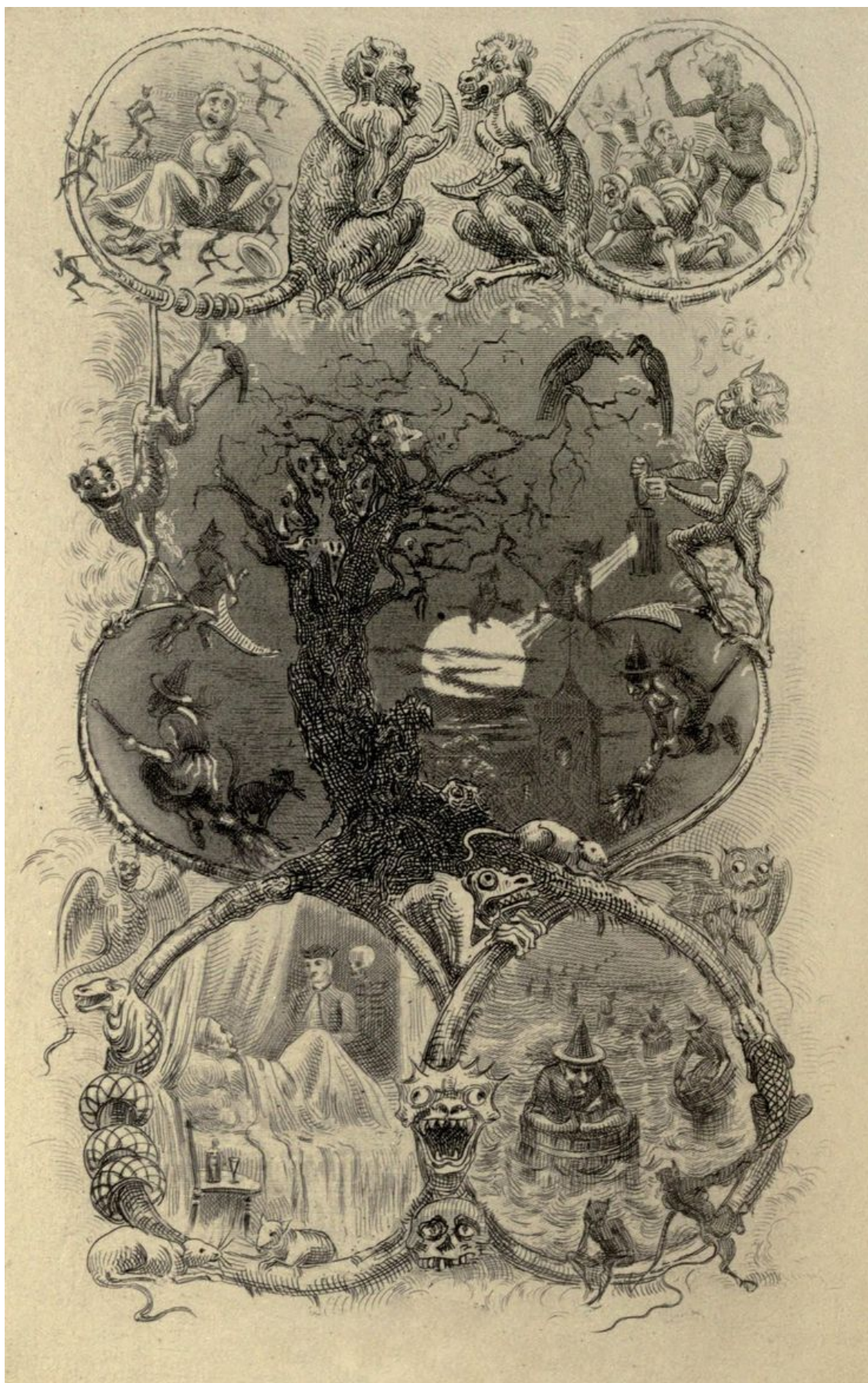
Впереди было ещё несколько лет борьбы в одиночестве, когда над В. Скоттом сгушались тени мрака и смерти, пока, в конце концов, супруги не соединились вновь. И в «Письмах о демонологии и колдовстве», посвящённых зятю и написанных в момент первого приближения смерти, прежние доброта и здравый смысл в сочетании с издавна чарующим мастерством рассказчика успешно противостоят любому натиску судьбы; и даже, когда позже началось угасание этого некогда могущественного ума, чьё благотворное влияние на десятки тысяч соотечественников было бесспорно, ничто не могло сломить сохранявшееся в нём утончённое понимание любви и чести. И всё-таки конец был совсем близок. Зять однажды утром застал Скотта в совершенно нормальном состоянии, хотя тот ослаб до предела. Взгляд его был спокоен и ясен, в нём не было ни малейшей искры безумия. «Локхарт, – сказал он, – не исключено, что на разговор с тобой у меня остаётся не больше минуты. Дорогой мой, будь хорошим человеком: добродетельным, верующим – будь хорошим человеком. Ничто другое не даст тебе успокоения, когда придёт пора заснуть навеки».

Другой том этой «Библиотеки», возможно, даст повод вспомнить Скотта в расцвете сил, товарищем «безгрешной Музы, учащей сынов Надежде и покою наслаждения».

А эта книга хранит память о том, как, прорываясь сквозь чёрные тучи, последний свет его гения освещал путь тех, кто стремится творить хлеб насущный интеллектуальной жизни – хорошие книги – для нас всех.

Г.М.⁸, Февраль 1884 г.

⁸ Автор предисловия – Генри Морли, английский писатель и литературовед, доктор права, профессор Университетского Колледжа (Лондон). – Прим. перев.

Дж. Г. ЛОКХARTУ, эсквайру, посвящается

ПИСЬМО I

Происхождение распространённого среди человечества мнения относительно демонологии. – Вера в бессмертие души как основной побудительный мотив убеждённости в возможности её перевоплощения. – Философские возражения против возможности видимого проявления абстрактного духа и малое их понимание профанами и невеждами. – Возбуждение человеческих страстей, заставляющее людей желать и предвосхищать видимые проявления сверхъестественного. – Частое появление их в момент, когда чувства спят. – История сомнамбулизма. – Заразительность легковерия, когда индивидуумы доверяют свидетельствам других, а не собственным чувствам. – Примеры из «Правдивой истории» Берналя Диаса Кастильского⁹ и из трудов Патрика Уолкера¹⁰. – Явные свидетельства отношений с миром сверхъестественного как внешние проявления нездорового состояния телесных органов. – Разница между заболеванием и безумием, при котором органы функционируют как им положено, а разум не действует. – Возмущение органов чувств лунатика в период мечтательного забытья. – Рассказы противоположного характера, когда зрительное восприятие подавляет разумную уверенность. – Пример лондонца, отдающегося наслаждениям. – О Николаи¹², германском книготорговце и философе. – О пациенте доктора Грегори. – Об известном шотландском юристе, ныне покойном. – Об ошибках восприятия, обусловленных причинами сиюминутного и преходящего характера. – Призрак Мопертюи¹³. – Об одном покойном знаменитом современном поэте. – Случаи, относящиеся к ложным впечатлениям, получаемым зрительными нервами, а затем и органами слуха. – Обманные прикосновения, в основном испытываемые во сне. – Ошибки вкусового восприятия. – А также восприятия запахов. – Вывод из приведённой аргументации.

Вы просили меня, мой дорогой друг, оказать содействие «Семейной библиотеке», изложив историю возникновения тёмного пятна в человеческой природе. Подобная глава в ходе развития цивилизации в просвещённых странах уже почти стёрта, хотя эта тема не привлекала особого внимания в прежние времена их истории.

Среди множества книг, прочитанных доселе, я нередко избирал для мысленных странствий и сумеречные области исследований мира суеверий и предрассудков. Множество часов было мною потрачено: «О, если бы их бремя было меньшим!» – на изучение древних и более близких к нашему времени историй подобного рода. И даже при внимательном чтении материалов, связанных с некоторыми из частых в прежние времена судебных дел подобного рода, я обращал особое внимание на то, что отцы наши оставляли в небрежении. А появившиеся в последние годы весьма любопытные извлечения из уголовных архивов Шотландии, опубликованные мистером Питкэрном¹⁴, не только представляют собой историческую ценность, но и наглядно живописуют легковерие наших предков в данном отношении. И потому, знакомясь

⁹ Берналь Диас дель Кастильо (ок. 1492–1584) – испанский конкистадор, участник экспедиции Эрнана Кортеса. Автор хроники «Правдивая история завоевания Новой Испании» (1557–1575) – важного источника по конкисте. – Прим. Т. Бородиной.

¹⁰ Патрик Уолкер – шотландский священник, в 1827 г. он публиковал многотомный труд «Жизнеописания». – Прим. Т. Бородиной.

¹¹ Кристоф Фридрих Николаи (1733–1811) – немецкий писатель, критик, издатель. (Большая российская энциклопедия 2004–2017). – Прим. Т. Бородиной.

¹² Пьер Луи де Мопертюи (1698–1759) – французский математик, естествоиспытатель, механик, астроном, физик и геодезист, президент Немейской Академии наук. – Прим. Т. Бородиной.

¹³ Речь идёт о работе Роберта Питкэрна, опубликованной в 1833 г., где собраны подробные сведения о судебных процессах в Шотландии с 1487 по 1624 год. – Прим. Т. Бородиной.

с ними, я получил побудительный мотив вспомнить то, что я прочёл и о чём я размышлял по этому поводу в давние годы.

А поскольку мои сведения носят хаотичный характер, я не претендую на то, чтобы либо опровергать систематику, предложенную моими предшественниками по данному вопросу, либо самостоятельно создавать какую-либо новую. Я ограничил себя задачей – дать общий обзор демонологии и колдовства, а затем рассказать о заслуживающих внимания случаях и изложить собственные выводы, из них проистекающие непосредственным и естественным образом. Уверен, что подобный подход наиболее уместен для популярного издания в рамках серии, охватывающей множество тем. И напротив, попытка свести содержание многих сотен томов в нечто компактное, сокращённое и усечённое, всё равно не привела бы ни к чему, так как подобный труд оказался бы слишком велик и явился бы тяжким испытанием читательского терпения.

Необходимым вступлением к изложению по данному предмету явились бы несколько замечаний общего характера относительно природы демонологии и происхождения почти всеобщей веры в возможность сношений между смертными и существами, обладающими сверхъестественной силой, сущность которой находится вне пределов человеческого понимания.

Широко распространённая, или, я бы даже сказал, повсеместная вера обитателей земли в существование духов, отъединённых от брэнной телесной оболочки, базируется на самом существовании божественного начала, находящего отзвук в нашей груди и отчётливо ощущаемого всеми, за исключением тех немногих, кто не воспринимает голос небес. Мало кто сомневается, что в каждом из нас имеется частица божественной субстанции, которая не подвержена законам смерти и разложения, но которая, как только тело утрачивает способность служить её обиталищем, ищет иное местопребывание. Так часовой сменяется с поста. Если отбросить идею божественного откровения, тщетно надеяться, что чисто земные причины могут лечь в основу рационального или мнимо точного соотношения между телом и расстающейся с ним душой. Убеждение в существовании неразрушимой субстанции – и только оно – ложится в основу веры, высказанной поэтом в ином смысле: «Нет, весь я не умру»¹⁴. Это убеждение заведомо предполагает существование множества миллионов душ, не подвергнувшихся уничтожению, но ставших неосязаемыми для смертных, которые видят, слышат и воспринимают лишь при помощи весьма несовершенных человеческих органов. При этом велика вероятность того, что наиболее мыслящие личности приходят к выводу о существовании в будущем воздаяния за добро и зло. Как свидетельствуют специалисты в области обучения глухонемых, их ученики, не способные к познанию обычными способами и методами, в состоянии без посторонней помощи сформировать определённое представление о существовании божественного начала и о различии между душой и телом. Одно это обстоятельство доказывает, насколько органичны подобные истины – откровения для человеческого ума. И тот принципиальный факт, что они обязательно возникают в сознании, не важно – путём обучения или простого общения, является фундаментом для последующих выводов.

Эти души, будучи в состоянии отъединённого существования, при условии, конечно, что подобное принимается за реальность, не являются, как можно предположить, индифферентными к делам смертных существ и даже, возможно, способны на них влиять. Справедливо, однако, что в более развитом обществе философ в состоянии бросить вызов самому представлению о возможности существования души отдельно от тела, за исключением конкретного проявления чуда, которое, будучи нарушением законов природы, совершённым непосредственно Творцом этих законов ради достижения какой-то конкретной цели, никоим образом не может

¹⁴ Речь идёт о стихотворении древнеримского поэта Горация «Exegi monumentum...» («Я памятник себе воздвиг...»). Однако цитируемая Вальтером Скоттом строка «Non omnis moriar» толкуется им явно в отрыве от контекста стихотворения, ибо Гораций имеет в виду вовсе не утверждение понятия бессмертия души, а, выражаясь современным языком, своё творческое наследие, которое и должно пережить физическое существование поэта. – Прим. перев.

быть исключено или отвергнуто как таковое. Но даже при условии действия указанного ограничения или исключения, философы могут вполне резонно заявлять, что если дух отделён от тела, то он теряет все сформировавшие его свойства, каковыми он обладал, пребывая в бренной плоти. Идея абстрактного духа заведомо предполагает тот факт, что он лишён субстанции, формы, очертаний, голоса или чего бы то ни было ещё, что делало бы его существование видимым или иным образом воспринимаемым. Но подобный скептицизм по отношению к самой возможности появления отдельно существующих духов присущ философам лишь тогда, когда страна достаточно просвещена, причём даже тогда лишь весьма ограниченное число жителей оказываются наиболее сведущими и способными к абстрактному мышлению. Для большинства же тот несомненный для них «факт», будто существует столько-то миллионов духов вообще и столько-то непосредственно среди нас, представляется достаточным, чтобы поверить: по крайней мере, при определенных обстоятельствах эти духи вполне могут тем или иным способом общаться с миром живых людей. При этом подавляющее большинство подобным образом мыслящих людей полагают, что, коль скоро дух покойного существует, то и воплощается он именно в ту оболочку, к какой привык при жизни, а о прочем даже не задумываются.

Впечатлительные и погружённые в себя натуры, основываясь на собственных ощущениях, с энтузиазмом утверждают, что в их распоряжении – зримые свидетельства общения между земным и потусторонним миром. К примеру, сын, недавно лишившийся отца, в критической житейской ситуации готов прибегнуть к его мудрому совету. Муж, которого постигла тяжкая утрата, искренне желает, чтобы его протянутые для объятия руки встретили не призрак жены, а её самую во плоти. Увы, нередко и такое: несчастный, запятнавший себя убийством, видит свою жертву в изголовье каждую ночь. Во всех этих и подобных им случаях кто станет отрицать, что воображение при наличии способствующих этому обстоятельств, обладает силой передавать органу зрения видения, существующие лишь в сознании того, кто будто бы является свидетелем их появления?

Добавим, что подобные видения во время столь живо разыгрывающихся грёз всецело поглощают того, кто в них погружён. При этом он, что нередко случается в состоянии дрёмы, думает, что воспринимает в истинном свете окружающую его обстановку. Скажем, дремлющий уверен в том, что лежит в своей постели, среди привычной обстановки – те же стены, та же мебель, что и всегда... Именно при подобных обстоятельствах воображаемое, пригрезившееся кажется ему тоже частью реальности. Совершенно бесполезно спорить с визионером, убеждать его, что призрак – всего лишь плод воображения. Как же, ведь этот призрак возникает в окружении такого множества конкретных вещей, которые, как он ощущает, истинны и не вызывают ни малейшего подозрения в нереальности. И эта бесспорная определённая обстоятельство становится своеобразной гарантией реальности происшедшего, так что размышлять об истинности случившегося уже не приходится. А если какое-либо событие, как, например, смерть привидевшегося лица, затем подтверждается? Если в жизни происходит всё именно тогда и так, как в видении? Совпадение, без сомнения, вполне возможное и частое, ибо наши сны и грёзы часто доводят до логического конца то, что неотступно беспокоит нас и наяву. Подсознание с полнейшей вероятностью предсказывает дальнейший ход событий, и цепь обстоятельств, как реальных, так и воображаемых, вполне рационально может считаться непрерывной. Повторяем, в совпадениях такого рода нет ничего из ряда вон выходящего, если вдуматься, из чего складываются сны и дремотные видения. Как естественно их действующими лицами становятся те, кто пребывает у нас в мыслях и наяву! Когда солдату угрожает смерть в сражении, когда моряк бросает вызов опасностям плавания, когда возлюбленная жена или близкий человек страдают от болезни – с какой готовностью наше дремлющее воображение доходит до состояния тревоги! А когда сон сменяется пробуждением, мы содрогаясь, узнав, что приснившееся сбылось. Число подобных вещей снов, воспринятых и подтверждённых, как известия из мира духов во все времена было весьма велико. В периоды же невежества, когда истинная

природа сновидений не была известна и подменялась мистицизмом, количество их, воспринятых как факт, было вообще неисчислимо. И всё же не исключено, что количество совпадений между видениями и реальными событиями гораздо меньше, и они не носят столь детального характера, как это можно было бы предположить, сделав математический расчёт вероятностей. Однако в странах, где вещие сны-предсказания нередко всё-таки, как выясняется, бывают сопряжены с реальными событиями, уверенность в наличии постоянной предметной связи между живыми и мёртвыми становится поистине всеобщей.

Сомнамбулизм и прочие расстройства сна часто вносят свой вклад в формирование подобных «фантазмов». Обычно последние возникают в период, промежуточный между сном и бодрствованием. Один в высшей степени уважаемый человек, капитан и совладелец крупного торгового судна, ходившего в Лиссабон, поведал автору этих строк о подобном странном происшествии. Когда он стоял на рейде в Тахо, произошли весьма тревожные события. Один из членов его команды был убит португальским разбойником, и пошли слухи, будто призрак убитого появляется на корабле. Матросам, как правило, свойственны предрассудки и суеверия, и те, кто служил на борту моего друга, с огромным нежеланием оставались на судне; и было вполне вероятно, что они скорее дезертируют, чем вернутся в Англию, имея в качестве пассажира призрак. Чтобы предотвратить столь нежелательное развитие событий, капитан решил докопаться до истины. И вскоре обнаружил, что, хотя все заявляли, будто видели свет и слышали шум и тому подобное, главным свидетелем зловещего чуда оказался один из его помощников. Человек этот, ирландец и католик, что, возможно, делало его более суеверным, во всех прочих отношениях заслуживал доверия. Честный, разумный, у него, как полагал капитан, не было ни малейших оснований сознательно его обманывать. Помощник заявил капитану, буквально заклиная поверить ему, что призрак убитого является ему чуть ли не каждую ночь, водит его по кораблю и, выражаясь его словами, нагоняет на него страх. Всё это он рассказывал с неподдельным ужасом, от чего реальность его отчаяния и страшных предчувствий лишь подчёркивалась. Капитан, не вступая с ним в спор, тем не менее про себя решил, что будет наблюдать за ночными передвижениями духовидца; один или со свидетелем, я, право, не помню. И вот, когда корабельный колокол пробил двенадцать, спящий поднялся с жутким, встревоженным выражением лица, зажёл свечу и проследовал на камбуз, то есть корабельную кухню. Затем уселся с раскрытыми глазами, как бы не имея сил отвести взгляд от какого-то страшного предмета. Через короткий промежуток времени он поднялся, взял какую-то посудину, наполнил водой, бормоча что-то под нос, добавил соли и стал разбрызгивать воду по камбузу. Наконец он глубоко вздохнул, как человек, освободившийся от тяжкого бремени, и, вернувшись на подвесную койку, впал в глубокий сон. На следующее утро этот человек в очередной раз рассказал со всеми подробностями, как появилось привидение, и добавил, что дух убитого повёл его на камбуз, но он, к счастью, неведомо как добыл святой воды и сумел освободиться от непрошеного гостя. И тут визионеру сообщили, что же на самом деле произошло той ночью, причём с такими подробностями, что он был вполне удовлетворён и осознал, что явился жертвой собственного воображения; и навязчивый кошмар, как это часто бывает в подобных случаях, будучи разъяснённым, более не возвращался. В данном случае мы имеем дело с возбуждённым воображением, действующим на половину бодрствующих органов чувств, восприимчивость которых была достаточной для того, чтобы дать возможность уяснить, где человек находится, однако недостаточной для того, чтобы он мог судить здраво о находящихся перед ним предметах.

Но не только в частной жизни под воздействием меланхолии, давящих и гнетущих грустных предчувствий, когда разум отступает перед властью дневных фантазий или ночных видений, может создаться предрасположенность к сверхъестественному: ей в равной степени благоприятствует состояние напряжённого ожидания или усиленного возбуждения. В преддверие битвы с неведомым исходом, например, когда предстоящее событие порождает сомнения

и неопределённость, а также убеждение, что оно неминуемо затронет и твою собственную судьбу, и судьбы страны. Тягостные раздумья такого рода повлияли на зрение Брута¹⁵ и явили ему призрак убитого им друга. И смерть Цезаря стала тогда казаться ему в меньшей степени оправданной, чем в мартовские иды¹⁶, ибо она повлекла за собой возобновление гражданских войн. А значит, само это событие могло стать лишь звеном в цепи окончательного подавления свободы Рима. И нет ничего удивительного в том, что Марк Брут, одинокий и окружённый темнотой, возможно, вспоминал в тот миг, сколь добр и внимателен к нему был великий человек, которого он предал смерти, полагая, что, пожертвовав другом, покончит со злом в собственной стране. Сильные переживания и способствовали тому, что перед духовным взором Марка возник призрак, превратившийся в его злого гения. Отсюда и обещание вновь встретиться с ним при Филиппах¹⁷. Ибо собственные планы Брута и знание им законов военного искусства, возможно, давным-давно реализовались в уверенность: решающее сражение гражданской войны должно произойти именно там или поблизости от того места. Если исходить из того, что воображение Брута явилось источником беседы с призраком, становится ясно, что и всё остальное – лишь ожившая мечта или воплотившаяся в образах грёза, своим всеобъемлющим и всё укрупняющим характером приближающаяся к сущности провидческого сна. Ведь Брут, прекрасно знакомый с воззрениями последователей Платона, был, конечно, подготовлен к тому, чтобы безоговорочно принять идею истинного явления потустороннего существа и не подверг бы ни малейшему сомнению такого рода видение. Отсюда, естественно, следует вывод, напрашивающийся сам собой: что даже если этот образ привиделся только ему и никому больше, его современники были мало расположены тщательно изучить свидетельства столь известного человека. Они не прибегли к строгому методу перепроверки заявления и сбора сопутствующих свидетельств, что обязательно было бы сделано по отношению к менее торжественному случаю и иному лицу.

Даже на поле смертельной схватки, посреди гибельного ожесточения битвы сильная вера творила то же чудо, которое мы только что отмечали как свершающееся во тьме одиночества. И те, кто находился на грани перехода в мир духов или были заняты тем, что переселяли в столь мрачные края других, или полагали, что им являлись те самые существа, которым, согласно мифологии данных народов, надлежало присутствовать при подобных сценах. В переломные моменты сражений, среди насилия, спешки и путаных решений, характерных для подобной ситуации, древние полагали, что видят своих богов, Кастора и Поллукса¹⁸, бьющихся в передовых рядах для поднятия воинского духа; язычникам-скандинавам являлись Жертвоизбиратели;²⁰¹⁹ да и католики с такой же лёгкостью охотно узнавали среди воинов, непосредственно

¹⁵ Ситуация, предшествовавшая битве при Филиппах (42 г. до н.э.), изображена автором внеисторически, как, впрочем, и само противостояние Цезарь – Брут. Дело в том, что за двадцать дней до описываемого Вальтером Скоттом события там же, в Македонии, состоялась битва соратника Брута и истинного руководителя заговора против Цезаря – Кассия – с объединёнными силами Октавия (наследника Юлия Цезаря) и Марка Антония, в результате чего войско Кассия было разбито, а сам он покончил с собой. Так что в описываемые автором минуты Брут наверняка думал не только о «решающем сражении гражданской войны», но и об общей военно-политической ситуации, создавшейся после разгрома сил Кассия. Кстати, в философском плане Брут был не неоплатоником, а стоиком. – Прим. перев.

¹⁶ Иды (лат. Idus) – в древнеримском календаре так назывался день в середине месяца. На 15-й день месяца иды приходятся в марте, мае, июле и октябре; на 13-й — в остальных восьми месяцах. Цезарь был убит в мартовские иды 44 г. до н. э. – Прим. Т. Бородиной.

¹⁷ В 42 году до н. э., 3 октября, армия триумвирата победила в битве при Филиппах над силами республиканцев, в том числе над Марком Юнием Брутом. 23 октября началась вторая битва, Брут был наголову разбит и покончил жизнь самоубийством. – Прим. Т. Бородиной.

¹⁸ Строго говоря, Кастор и Поллукс (Полидевк) богами не являются, ибо оба они – сыновья смертной женщины, Леды. Однако, поскольку отцом Полидевка был сам Зевс, он после гибели Кастора разрешил своему сыну уделить павшему герою половину бессмертия, так что один день братья проводили на Олимпе, а другой – в подземном царстве. – Прим. перев.

¹⁹ Неясно, из какого источника Вальтер Скотт заимствовал это наименование. Кстати, как будет видно далее, знакомство Вальтера Скотта со скандинавской мифологией в ряде случаев оказывается весьма поверхностным и неточным. – Прим. перев.

схватившихся с противником, Святого Георгия или Святого Иакова²⁰, указующих путь к победе. Такого рода видения во все времена поддерживались показаниями огромного количества свидетелей. Когда общее ощущение опасности и воодушевляющий взрыв энтузиазма одновременно воздействуют на чувства множества людей, между их умами устанавливается естественная взаимосвязь, как это бывает в тех случаях, когда струнные инструменты настроены на один и тот же лад, и когда играют на одном из них, то струны всех остальных должны вибрировать в унисон извлекаемым тонам. И если некто хитрый или одержимый воскликнет в пылу сражения, что ему явился романтический образ того рода, о котором мы только что говорили, то его товарищи подхватывают эту идею с воодушевлением и энтузиазмом, и большинство из них готово пожертвовать истинными свидетельствами собственных чувств, чтобы только оказаться соучастниками лицемерия столь благоприятных знамений. Один воин подхватывает идею другого, все в равной степени готовы подтвердить истинность представшего перед ними чуда, и битва выиграна до того, как обнаружится ошибка. В подобных случаях само присутствие огромной массы людей, в других обстоятельствах явившееся бы залогом обнаружения обмана, становится средством его увековечения.

Чтобы продемонстрировать, как часто сверхъестественное видится чужими глазами, то есть, иными словами, как часто люди доверяют чужому зрению вопреки своему собственному, возьмём на себя смелость привести два впечатляющих примера.

Первый взят из «Правдивой истории завоевания Новой Испании» дон-Берналя Диаса дель Кастильо, одного из спутников знаменитого Кортеса²¹ в период завоевания Мексики. Рассказывая о великой победе, одержанной при крайне неблагоприятных условиях, он упоминает сообщение, появившееся в современной ему «Хронике» Гомары²², будто сам Святой Иаков на белом коне в передовых рядах сражающихся привёл своих возлюбленных испанцев к победе. Любопытно наблюдать за тем, как кастильский рыцарь, внутренне убеждённый в том, что слух этот обязан своему происхождению ошибке, объясняет её причину на основе собственных наблюдений; не осмеливаясь, однако, отвергать чудо как таковое. Честный конкистадор заявляет, что лично он не видел столь воодушевляющего видения. Напротив, на том самом месте, где, по слухам, появился Святой Иаков, упорно и самозабвенно бился верхом на гнедом коне совершенно реальный рыцарь по имени Франсиско де Морла²³. Но вместо того чтобы сделать соответствующий вывод, набожный конкистадор смиренно восклицает: «Мне ли, грешному, суждено было видеть благословенного посланца Небес?»

Другой пример заразительности суеверий мы находим в одной шотландской книге, и вряд ли можно сомневаться в том, что речь, по существу, идёт о появлении северного сияния, которое в Шотландии до начала XVIII века можно было видеть весьма и весьма редко, и, таким образом, его тогда нельзя было считать обычным атмосферным явлением. Текст потрясающе любопытный, ибо рассказчик, Питер Уокер, будучи увлекающейся натурой, был в то же время человеком трезвым и вовсе не делал вид, что являлся свидетелем чуда, зато, заявляя о его реальности, он безоговорочно полагался на свидетельства других, пусть даже они противоречили тому, что видел он сам. Описанное им «обращение» джентльмена-скептика в высшей степени показательное, ибо демонстрирует, как всеобщее легкое верие порождает энтузиазм, а то и явный, навязываемый извне обман, опирающийся якобы на свидетельства окружающих. Это

²⁰ Святой Георгий и Святой Иаков в христианской традиции считались покровителями воинов. – Прим. Т. Бородиной.

²¹ Эрнандо Кортес (1485–1547) – испанский конкистадор, в 1519–1521 г.г. завоевавший Мексику и уничтоживший государство ацтеков. – Прим. Т. Бородиной.

²² Франсиско Лопес де Гомара (ок. 1511 – ок. 1566) – испанский священник, гуманист, историограф Конкисты. Его работы отличались высокой информативностью. Гомара был духовником Эрнандо Кортеса. Здесь имеется в виду работа Гомары *Historia de la conquista de México* («История завоевания Мексики») – Прим. Т. Бородиной.

²³ Франсиско де Морла – капитан одного из судов экспедиции Кортеса. Об этом говорится в книге Берналя Диаса дель Кастильо «Правдивая история завоевания Новой Испании». – Прим. Т. Бородиной.

наглядно выявляет всё несовершенство подобных групповых свидетельств, а также лёгкость их возникновения. Притом всеобщее возбуждение в тот или иной момент оказывает своё воздействие даже на людей хладнокровных и рассудительных. Ибо и они становятся жертвами идей и представлений большинства, того самого, которое в первый же миг восприняло атмосферное явление как парад существ из потустороннего мира, цель которого – символически предупредить о грядущих гражданских войнах.

«В лето тысяча шестьсот восемьдесят шестое, в июне и июле месяце, – пишет честный хронист, – как могут засвидетельствовать многие, всё ещё пребывающие в живых, где-то неподалёку от Кроссфорд-Боут, двумя милями ниже Ланарка, а точнее подле Мэйнса, стоящего у самых вод Клайда, множество людей собиралось вместе в послеполуденное время в течение нескольких дней подряд, и там виделись им шлемы, шляпы, ружья и мечи, висающие на деревьях и лежащие на земле; вооружённые роты маршировали по всем правилам вдоль берега, одна рота шла навстречу другой и как бы проходила сквозь неё, а затем все воины падали наземь и пропадали; тотчас же появлялись другие вооружённые роты, марширующие в том же порядке. Я ходил туда три дня подряд и заметил, что две трети собиравшихся там людей видели всё, а одна треть – ничего. И хотя я не сумел ничего увидеть, чувство страха и трепет оказались всеобщими. Неподалёку от меня стоял один джентльмен, который говорил точно так же, как многие другие: «Только чёртовы ведьмы и колдуны могут тут видеть что-то, для нас невидимое! Дьявол меня разрази, если я что-нибудь вижу!» Но внезапно в его поведении произошла разительная перемена. Дрожа от страха, точно женщина – а представителей слабого пола там собралось предостаточно, – он громко крикнул: «Те, кто ничего не видят, умолкните, ибо я заверяю вас, что происходящее – реально и видно всем, кто не слеп от рождения!» И те, кто видели, рассказывали в подробностях: какого рода замки (то есть затворы) на ружьях, какова их длина и толщина, и какие рукоятки у мечей, небольшие или массивные, а также какие шляпы у горных стрелков, чёрные или синие на них шнуры; и те, кто видел, замечал, что как только они пропадали, слетали наземь шляпа или меч»²⁴.

Этот конкретный феномен, в существование которого поверила вся масса присутствующих, хотя видели лишь две трети, а если бы видение было реальностью, то его увидели бы все. Сопоставим с выходкой одного шутника, который придал своему лицу потрясённое выражение и устоял на всем известного бронзового льва, украшающего фасад резиденции герцогов Нортумберлендских на Стрэнде²⁵, после чего постарался привлечь внимание окружающих непрерывным бормотанием: «Клянусь, он виляет хвостом! Вот он опять вильнул!», и уже через несколько минут улицу заполонило несметное количество народу, и кое-кто из толпы утверждал, что он точно видел, как изваянный Перси лев вилял хвостом, а другим казалось, что они тоже наблюдали это явление.

В подобных случаях, как уже говорилось ранее, мы исходим из предположения, что духовидец способен в полном объёме воспринимать сведения, поступающие через органы чувств, находящиеся в полном порядке. Иное дело, когда речь идёт о погрузившихся в мир грёз. В этом случае связь через органы чувств с внешним миром затруднена вследствие сонного состояния, пусть даже имеющего временный характер, и тогда абберрация воображения неизбежна, поскольку ослаблена необходимая опора на свидетельства телесного свойства. Что касается остального, то пульс бьётся ровно, и эти люди сохраняют способность отличать чёрное от белого. К сожалению, однако, существует, согласно медицинским данным, множество рас-

²⁴ Патрик Уокер. Жизнеописания. Эдинбург. 1827. Т. I, стр. XXXVI. Очевидно, честный Питер поверил в появление вооружённых людей по тому же принципу, как Партридж в ужасе поверил в действительное явление призрака Гамлету: не потому, что он сам его видел, но потому, что в облике Гаррика проступали столь очевидные признаки потрясения. – Прим. к изданию 1885 г.

²⁵ Стрэнд (англ. Strand) – центральная улица Лондона, которая соединяет районы Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности). – Прим. Т. Бородиной.

стройств органов чувств, одним из важнейших симптомов которых является предрасположение к восприятию фантомных изображений.

Столь пугающее расстройство не является в строгом смысле слова безумием, хотя и в какой-то степени соотносимо с этим в высшей степени ужасным заболеванием и может у множества людей определённого склада явиться средством перехода в столь жуткое состояние. Довести до этого способны галлюцинации – они свойственны безумцам и визионерам. Разница, на мой взгляд, всё же существует, и её стоит уточнить. В случае психического расстройства в принципе поражён разум больного, в то время как органы чувств или вся телесная система ощущения и восприятия тщетно пытаются предоставить безумцу решительные доводы, опровергающие фантазии болезненного воображения. Возможно, сам характер этого столкновения между болезненным воображением и точностью работы обычно функционирующих органов чувств лучше всего проиллюстрировать следующим примером. Один из умалишённых пациентов, помещённых в больницу для душевнобольных в Эдинбурге, вообразил, что он здесь – у себя. Болезнь у несчастного приобрела весьма комичный характер. Дом, где он находился согласно его представлениям, являлся его собственностью, и он искал объяснения всему тому, что вступало в противоречие с его воображаемыми правами на эту недвижимость: там находилось множество пациентов, но они жили в его доме благодаря широте его натуры, ибо ему хотелось, чтобы они нашли там избавление от своих бед. Двигался он мало, за пределы дома почти не выходил, но для него это объяснялось тем, что он будто бы был домоседом, ведущим затворнически-неподвижный образ жизни. Он находился почти в полной изоляции, но ежедневные посещения со стороны ведущих светил медицинского мира Эдинбурга создавали у него иллюзию постоянного пребывания в обществе. И этот воображаемо-роскошный образ жизни омрачался лишь одним-единственным диссонансом: среди стольких видений богатства и роскоши нашего несчастного оптимиста тревожило то, что, безусловно, обеспокоило бы превеликое множество бонвиванов²⁶. «Он с огромным вниманием, – свидетельствует один из его друзей, – относился к своему столу, ему казалось, что его обслуживает целый штат великолепных поваров, и что у него каждый день полный обед из трёх блюд с десертом. И в то же время, как заявлял он, каким-то странным образом всё, что он ел, имело *привкус овсянки*». Для человека, которому пожаловался этот несчастный больной и который знал, что тот не ел ничего, кроме простейших вещей, в подобной дилемме не заключалось ни тени загадки. Случай был предельно прост. Своими корнями заболевание уходило в исключительное богатство расстроенного воображения пациента, в большинстве случаев полностью отрывавшего его от реальности, но бывшего недостаточно сильным, чтобы заставить его смириться с честными свидетельствами нёба и желудка, которые, как у братьев лорда Питера в «Сказке о Бочке»²⁷, возмущались от одной лишь попытки навязать им варёную овсянку вместо изысканных банкетных блюд, которыми Уде угощал бы собравшихся на приём пэров. Здесь, таким образом, проявляется одна из характернейших особенностей действительного душевного заболевания, когда чувство вкуса не утрачено вовсе, а лишь пытается приспособиться к идеальной гипотезе, воспринимаемой болезненным воображением как реальность.

Но расстройство духовидцев, о котором я уже упоминал, носит иной, исключительно телесный характер. Смысл его, в сущности, заключается в том, что не в порядке сами органы зрения, предлагающие взору больного фантомы и видения, на самом деле в природе не существующие. Это заболевание того же рода, что и расстройство, не позволяющее множеству людей различать цвета; только отдельные пациенты делают ещё один шаг в том же направлении и начинают искажённо воспринимать внешние очертания предметов. Соответственно, в

²⁶ Бонвиван – тот, кто любит жить в своё удовольствие, богато и беспечно. (Толковый словарь Ефремовой). – Прим. Т. Бородиной.

²⁷ Знаменитый памфлет Джонатана Свифта. – Прим. перев.

этом случае, в отличие от одержимых манией, человек не испытывает расстройство разума как таковое, но под воздействием чересчур богатого воображения органы его чувств не исполняют в должной мере своих функций и снабжают здоровый интеллект ложными представлениями.

Целый ряд опытных врачей, к которым обращались с самыми невероятными жалобами, заявляют, что пациенты действительно воспринимают предмет своей жалобы как реальность и объясняют это различными причинами. Наиболее частым источником подобных расстройств является распущенность и неумеренность тех, кто постоянно находится в состоянии опьянения и в итоге становится жертвой «зелёного змия», допиваясь, как говорится, «до чёртиков». Полагаю, случаи такого умопомрачения известны большинству тех, кто определённый период жизни прожил в обществе, где самым распространённым пороком является неумеренное пьянство. Возбуждающее веселье, порождённое опьянением на ранних его стадиях, со временем исчезает, а его место занимают устрашающие ощущения и видения, разрушающие душевный покой несчастного, предавшегося излишествам. Фантомы самого отвратительного вида становятся спутниками его уединения и даже пытаются стать его товарищами во время пребывания в обществе; и если, благодаря перемене привычек, удаётся очистить ум от столь пугающих образов, то стоит лишь в самой малой степени вернуться к прежнему поведению, как раскаявшегося было либертина вновь захлестнёт поток прежних несчастий.

По этому поводу один джентльмен, связанный с пострадавшим, рассказал автору такую историю. Состоятельный молодой человек, ведущий, как говорится, «весёлую» жизнь, в равной степени губительную для здоровья и кошелька, в своё время вынужден был обратиться к врачу, чтобы изыскать способ восстановления хотя бы первого. Одна из основных жалоб его касалась постоянного появления группы призраков, напоминающих фигуры, одетые в зелёное, и исполнявших у него в гостиной какой-то особенный танец, вынужденным зрителем которого он, увы, всё время был, хотя знал, что весь этот кордебалет существовал лишь в его воображении. Врач немедленно проинформировал его, что он слишком долго и слишком бурно жил

в городе, и теперь ему надо сменить образ жизни на более здоровый и естественный. Вдобавок он прописал не слишком сильные лекарства, однако, от всей души посоветовал пациенту переехать в загородный дом, соблюдать умеренность в питании, рано ложиться спать и рано вставать, регулярно совершать физические упражнения, действуя подобным образом, избегать усталости и утомления; а затем заверил молодого человека, что, выполняя эти предписания, он получит возможность навсегда распрощаться с призраками чёрными, белыми, синими, зелёными и серыми и со всеми их показными выходками. Пациент выполнил рекомендации врача и стал чувствовать себя прекрасно. Врач же по прошествии месяца получил от него благодарственное письмо, подтверждающее благотворное действие его предписаний. Зелёные гоблины полностью пропали, а вместе с ними и тот малоприятный рой мыслей, который и был порождён их появлением, и тогда пациент распорядился, чтобы особняк в городе был продан, а мебель вывезена и направлена к нему в поместье, где он и собирался в будущем проводить свои дни, избегая соблазнов цивилизации. Подобный план можно было бы счесть продуманной схемой сбережения здоровья. Но увы! Стоило лишь обстановке лондонской гостиной занять место на галерее старого помещичьего дома, как прежние видения вернулись с новой силой: зелёные фигурантки, которые так долго в голове пациента ассоциировались с этой мебелью, отправились вместе с нею в поход на поиск старой жертвы, и теперь, когда страдалец будто бы готов был с радостью их встретить, весело восклицали: «А вот и мы, а вот и мы!» Если я не ошибаюсь, визионер был тогда до такой степени потрясён их появлением, что предпочёл укрыться за границей, ибо полагал, что нет такого места в Британии, где бы он смог спастись от каждодневного преследования со стороны домашнего балета.

Есть все основания полагать, что подобные истории весьма многочисленны, причём в основе их лежит не одна лишь слабость желудка, порождённая излишествами в употреблении вин и более крепких напитков. Подобная неумеренность не только ощутимо отражается на зрении и вообще способности правильно видеть предметы, но и подчиняет разум власти фантастических видений вследствие непрекращающегося опьянения. И при данных обстоятельствах зрение, наподобие смещённого сустава, способно подвести в любую минуту, даже если подобное отклонение будет вызвано иными причинами.

Можно без труда предположить, что и привычка возбуждать себя одурманивающими средствами наподобие опиума или его многочисленных заменителей способна свергнуть тех, кто предался столь опасной привычке, в бездну аналогичных отклонений. Причиной такого рода расстройств часто бывает непрерывное употребление веселящего газа – закиси азота, который так сильно воздействует на органы чувств, что порождает сильное, хотя и кратковременное состояние экстаза. Но, по свидетельству медиков, есть и другие причины, порождающие подобные же симптомы, а именно возникновение перед взором пациента воображаемых видений, не видимых более никому. Такого рода оптические иллюзии обнаруживались и тогда, когда пациент не страдал никакими излишествами, и причиной, без сомнения, являлось заболевание крови или нервной системы.

Опытный и проницательный доктор Ферриер из Манчестера был первым, описавшим для английской публики показательный случай из своей практики, а именно тот, что произошёл со знаменитым берлинским книготорговцем Николаи. Это был не просто книготорговец, но и литератор, и у него хватило моральных сил выступить перед философским обществом в Берлине с докладом о собственных страданиях, связанных по ходу болезни с серией фантомных видений. Главные обстоятельства этого случая могут быть изложены весьма кратко точно так же, как это многократно делалось перед публикой на базе анализа, совершённого доктором Ферриером и доктором Хиббертом, и прочими, кто избрал демонологию предметом изучения. Сам Николаи относит возникновение болезни к серии неприятных происшествий, имевших место в начале 1791 года. Упадок духа, явившийся следствием этих происшествий, был усугублён пренебрежением к курсу периодических кровопусканий, ранее для него привычных.

Подобное состояние здоровья повлекло за собой предрасположение к появлению призрачных видений, которые посещали, а точнее сказать навещали его достаточно часто, появляясь в апартаментах учёного книготорговца, представляя перед ним в облике множества лиц, двигавшихся перед ним и действовавших в его присутствии, даже заговаривавших с ним и прямо обращавшихся к нему. Эти фантомные посетители не несли в себе ничего неприятного для воображения визионера как обликом, так и манерой поведения, причём пациент был достаточно твёрд и воспринимал фантомы лишь как любопытное явление, ибо был от начала до конца убеждён в том, что это всего лишь следствие расстроенного состояния здоровья, что эти конкретные проявления просто являются симптомами его заболевания и их ни в коем случае нельзя воспринимать как потусторонние откровения. Через некоторое время, и не без помощи лекарств, фантомы стали менее отчётливыми, пропала живость красок, так что они в глазах пациента потускнели и через некоторое время полностью исчезли.

Случай с Николаи без сомнения принадлежит к превеликому множеству подобных, только далеко не всегда любовь к науке оказывается у пациента достаточно сильной. Не каждый, и это естественно, пожелает сделать достоянием гласности характер подобных странных видений. Что такие болезни не только наблюдались, но и приводили к фатальному исходу, разумеется, само собой; но из этого нельзя ни в коем случае делать вывод, будто интересующие нас на данный момент симптомы имеют во всех случаях одну и ту же основу.

Доктор Хибберт, проявивший совершенно самостоятельный подход к данному предмету и опиравшийся на предпосылки философского характера, занимался им и с чисто медицинской точки зрения, научную сущность которой мы не собираемся оспаривать, а точность деталей даже на первый взгляд не вызывает ни малейших сомнений.

Этот учёный джентльмен представляет появление зрительных аберраций как сопровождавший элемент самых разных по характеру жалоб; и в частности, он подчёркивает, что подобные симптомы проявляются не только при избыточном полнокровии, как это имело место у учёного пруссака, только что упоминавшегося нами, но часто являются сопутствующими при целом ряде заболеваний: как побочное явление при воспалительных и гнойных процессах, как обычное внешнее проявление воспаления мозга, как сигнал повышенной нервной возбудимости, как порождение ипохондрии и, наконец, как следствие, в одних случаях – подагры, а в других – возбуждения, порождённого воздействием определённых газов. Во всех этих случаях восприимчивость органов чувств обостряется до болезненного уровня, и тогда симптом становится очевиден, а сама эта восприимчивость, пусть даже этот термин медицински неточен, может быть в достаточной степени показателем наличия определённых заболеваний.

Своеобразный и интересный пример, подобный тем, что зафиксировал доктор Хибберт применительно к взаимосвязи зрительных иллюзий и реального заболевания, причём весьма опасной, часто приводил в обществе покойный высокоучёный доктор Грегори из Эдинбурга, а иногда, как мне кажется, он даже описывал этот случай в своих лекциях. Насколько мне помнится, суть его заключалась в следующем. Пациент доктора Грегори, человек, насколько я понимаю, достаточно высокого положения, обратился к нему за консультацией, причём жалоба его носила в высшей степени необычный характер. «У меня привычка, – заявил больной, – обедать в пять, а ровно в шесть передо мной всегда предстаёт весьма болезненное видение. Двери комнаты, не важно, запираю ли я их на засов или чувствую себя настолько слабым, что не в состоянии это сделать, широко распахиваются и прямо ко мне подходит хмурая и рассерженная старая карга вроде тех, что бродят как привидения по Форреской равнине, и всеми способами демонстрирует своё возмущение и раздражение, как та, что в одной восточной сказке преследовала купца Абд-ар-Рахмана²⁸. Она кидается ко мне, что-то бормочет,

²⁸ Купец Абд-ар-Рахман, герой «Повести о Камар-аз-Замане и жене ювелира» из сказок «Тысячи и одной ночи». – Прим. Т. Бородиной.

да так быстро, что я не в состоянии разобрать, что именно, а потом наносит мне сильнейший удар костылём. Я падаю со стула и впадаю в забытё, которое длится то дольше, то меньше. И именно от этого явления я страдаю каждый день. В этом и заключается моя нынешняя конкретная жалоба». Доктор тотчас же спросил, приглашал ли больной кого-нибудь посидеть рядом с ним в то время, когда он ожидал такого рода визитёршу. Ответ был отрицательным. Характер жалобы, пояснил он, до того странен, что его могли не понять и счесть это в лучшем случае за причуду, если не за нервное расстройство, и потому он предпочёл не рассказывать об этом обстоятельстве никому. «Тогда, – заявил доктор, – с вашего разрешения я сегодня отобедаю с вами тет-а-тет, и мы тогда посмотрим, составит ли нам компанию эта старая и злобная старуха». Больной принял это предложение с надеждой и благодарностью, ибо скорее ожидал не сочувствия, а насмешек. Они встретились за обедом, и доктор Грегори, опасавшийся наличия нервного заболевания, старался проявить в полную силу талант умелого собеседника, которым он славился, и сделал всё возможное, чтобы занятой беседой отвлечь мысли хозяина от приближающегося рокового часа, который тот уже привык ждать с ужасом. И он преуспел гораздо более, чем ожидал. Вот и шесть – а пациент этого совершенно не заметил, и доктор было надеялся, что всё пройдёт без дурных последствий; но не прошло и мгновения, как хозяин дома встревоженно воскликнул: «Старая карга опять здесь!» и свалился вместе со стулом в полузабытё, как он уже описывал. Врач велел пустить ему кровь и убедился в том, что периодическое шоковое состояние пациента объяснялось тенденцией к апоплексии.

Привидение с костылём было лишь частным случаем проявления характерного заболевания, именуемого *ephialtes*²⁹ или «ночной кошмар». Эфиальт представляет собой одно из воображаемых видений, возникающих под воздействием извне и влияющих на органы чувств во сне, причём болезненное воображение пациента делает их полудремотной явью, предшествующей забытё. Во время «ночного кошмара» ощущаются физическое давление и затруднённость дыхания, и воображение мгновенно создаёт образ привидения, наваливающегося нам на грудь. При этом следует отметить, что любой внезапный шум, услышанный спящим, но не достаточный для того, чтобы его разбудить, любое случайное прикосновение другого лица, воспринимаемое подобным же образом, моментально отражается в сновидениях и оформляется в русле мыслей спящего, какими бы они ни были; и примечательна та скорость, с которой воображение подсказывает мнимую, проработанную от начала до конца сущность подобного вмешательства, увязывая её с предшествующим содержанием сновидения во всей его последовательности, даже если на подобную интерпретацию почти не остаётся времени. Если, к примеру, снится дуэль, то звук извне в единый миг превращается в выстрел соперника, а если во сне оратор произносит речь, то этот звук обращается в аплодисменты публики, будто бы его слушающей; ну а если спящий бродит среди воображаемых руин, то этот звук становится шумом падения какого-то обломка. Короче говоря, система привязки срабатывает во сне с такой быстротой, что в случае, если посторонний сигнал является первой попыткой некоего лица разбудить спящего, характеристика его успевает сформироваться в чётком и ясном виде, независимо от того, сколько времени наяву потребовалось бы для его логической классификации и принятия решения, ещё до того, как вторая попытка упомянутого лица вернёт спящего в мир бодрствования и реальностей. Последовательность представлений во сне проявляется столь быстро и интуитивно, что поневоле вспоминается видение пророка Мухаммада³⁰, перед которым предстали все чудеса рая и ада, причём в самом начале видения упал кувшин с водой, а когда пророк пришёл в нормальное состояние, то успел подхватить кувшин, из которого не пролилось ни капли.

²⁹ В греческой мифологии именем Эфиальт называли демона, который несёт ночные кошмары. – Прим. Т. Бородиной.

³⁰ Согласно Корану, пророк Мухаммад был возведён ангелом Джibriлом на Небеса, где предстал перед Аллахом, посетил рай и ад, увидел блаженную жизнь праведников и муки грешников, после чего был возвращён в Мекку. – Прим. Т. Бородиной.

Второй достойный внимания достоверный случай был рассказан мне также медиком, который, само собой, не желал бы предавать огласке имя главного действующего лица столь необычной истории. Что же касается самого рассказчика, то я могу лишь заявить, что будь я волен назвать его имя, то профессиональный ранг моего друга, а также известные всем его успехи в деле изучения философии и естественных наук заслуживают абсолютного доверия.

Случилось так, что этот джентльмен был приглашён к постели больного, ныне давно уже покойного, который, как я понимаю, был при жизни значительной фигурой в одной из конкретных отраслей права, что часто отдавало в его распоряжение и под его попечение имущество других лиц, и чьё поведение таким образом было на виду у широкой публики, так что за много лет он приобрёл в глазах окружающих репутацию человека необычайной твёрдости, здравомыслящего и цельного. В те времена, когда его навещал мой друг, он уже почти не выходил из дома и частенько был прикован к постели, но всё же продолжал заниматься делами, проявляя при этом обычную для себя силу ума и энергию, когда брался за доверенные ему важные юридические поручения; и никому и в голову бы не пришло, будто его интеллект стал сдавать. Внешние симптомы заболевания как будто бы не предвещали катастрофы. Но замедленный пульс, отсутствие аппетита, трудности с пищеварением и постоянная подавленность наводили на мысль о том, что причина заболевания тщательно скрывается пациентом. Глубочайшая депрессия, в которой пребывал несчастный джентльмен, растерянность, которую невозможно было скрыть от друга медика, краткость и явная неохота, проступавшие при ответах на вопросы консультирующего его врача, навели последнего на мысль исследовать заболевание иным путём. Он обратился с расспросами к семье больного, чтобы, насколько это возможно, выявить источник потаённых горестей, ложившихся тяжким бременем на сердце и отнимающих жизненные соки у несчастного пациента. Лица, к которым он обращался, по ходу продолжительных бесед отрицали наличие каких бы то ни было причин, обусловивших столь тяжкое состояние своего родственника. Известно им было лишь то – причем, совершенно достоверно, – что дела его процветали; и никто из родных и близких не уходил в мир иной, что могло бы явиться причиной подавленности духа. Почтенный возраст как будто бы исключал безнадёжную страсть, а образ его жизни и убеждения исключали совершение какого-либо недостойного поступка, по поводу которого он испытывал бы глубокое раскаяние. Медику оставалось одно – серьёзнейшим образом переговорить с самим больным, и он тогда твёрдо заявил, что рассматривает безумие как попытку предать себя медленному, угнетающему дух ожиданию смерти вместо того, чтобы раскрыть причину столь подавленного состояния. Он особо подчеркнул тот факт, что подобное поведение может нанести ущерб его репутации, ибо страдания его могут привести на мысль, будто тайной причиной его мучений и их последствий является нечто чересчур скандальное и позорное, чтобы стать явным, ибо тогда это наложило бы на его семью пятно бесчестия, а его имя ассоциировалось бы с идеей вины, с представлением о преступнике, умершем без покаяния. Пациент, тронутый подобным заявлением в гораздо большей степени, чем всеми предшествующими призывами, высказал готовность поговорить с доктором начистоту, но наедине. Все были удалены из комнаты больного, а дверь была плотно заперта, и тогда он начал свою исповедь:

«Мой дорогой друг, – заявил он, – вы в равной степени, как и я, осознаёте, что я приближаюсь к смерти под воздействием фатальной болезни, отнимающей все мои жизненные силы; но вы не в состоянии понять ни характера моего заболевания, ни способа его проявления, а если даже вы были бы в состоянии это сделать, то у вас не хватило бы ни рвения, ни умения освободить меня от него». «Не исключено, – отвечал врач, – что моё умение уступало бы моему желанию вылечить вас; и всё же медицина обладает многочисленными средствами, о которых лицо, не знакомое с этой наукой и её возможностями, не имеет ни малейшего понятия и не способно судить. Однако, пока вы чётко и ясно не расскажете мне о симптомах, лежащих в основе ваших жалоб, я не смогу решить, в силах ли мне лично или медицине в целом,

помочь вам». «Могу сразу же ответить, – проговорил пациент, – что случай мой весьма зауряден, ибо описан в знаменитом романе Лесажа³¹. Вы без сомнения помните, как там описана смерть герцога Оливареса?» «Он умер, – припомнил медик, – воображая, будто его преследует призрак, в реальное существование которого он абсолютно не верил, но тем не менее он умер, будучи физически и морально раздавлен его воображаемым присутствием». «Мой случай, дорогой доктор, – заявил больной, – совершенно аналогичен; и присутствие преследующего меня видения до такой степени мучительно нестерпимо, что разум абсолютно не способен справиться с последствиями болезненного воображения, и я чувствую, как умираю». Врач с тревогой выслушал это заявление и решил в тот момент ни в коем случае не ставить вслух под сомнение сказанное пациентом. Он довольствовался тем, что стал более детально выяснять характер видения, которое, по словам больного, его преследовало. Он хотел понять, каким образом столь необычное расстройство овладело воображением больного, обладавшего, как представлялось врачу, могучими интеллектуальными способностями. Больной сообщил, что заболевание овладевало им постепенно и первоначально не носило столь ужасного или даже невыносимого характера.

«Видения мои, – начал он, – впервые проявились года два или три назад, когда вдруг меня то и дело стало пугать присутствие огромного кота. Неведомо как он появлялся и исчезал, и в конце концов до меня дошло, что же происходит на самом деле. Я вынужден был признать, что это – вовсе не обычный домашний кот, но сплав элементов, существующих лишь в моём искажённом зрительном восприятии и аномальном воображении. И всё же у меня не было ни малейших возражений против того, чтобы этот фантом играл, скажем, с покойным благородным клановым вождём шотландских горцев, у которого вдруг менялись все цвета пледа, когда кот оказывался в одном помещении с ним, даже если вождь его ещё не видел. Напротив, я очень люблю кошек и мне было скорее приятно присутствие воображаемого гостя, так что я на него даже не реагировал. Однако через несколько месяцев это видение сменилось последовавшим за ним призраком совсем иного рода, гораздо более импозантным и по сути, и по внешности. Это уже был не кто иной, как джентльмен-церемониймейстер, одетый положенным образом, чтобы возвестить о прибытии лорда-наместника Ирландии³² или лорда-верховного комиссара, представляющего корону на съезде пресвитерианской церкви³³, или кого-либо ещё, кто несёт на челе делегированные полномочия суверена.

Этот человек, одетый в придворный костюм: с короткими штанами, схваченными над коленом, при мече и в жилете с закруглёнными лацканами, а также при шляпе-треуголке – скользил мимо меня, как призрак знаменитого лондонского архитектора Нэша³⁴; и, будь то в моём или чужом доме, восходил по лестнице передо мной как бы для того, чтобы объявить в гостиную о моём прибытии. Причём бывали случаи, когда этот призрак оставался в обществе несмотря на то, что мне было совершенно ясно, что остальные не имеют ни малейшего понятия о его присутствии и что лишь я один имею возможность лицезреть того, кто в моём воображении оказывал мне честь своим сопровождением. Но этот каприз воображения также не производил на меня слишком большого впечатления, хотя и вызывал сомнения по поводу состояния моего здоровья, а также тревогу относительно того, как это отразится на моих умственных способностях. Но и эта стадия заболевания длилась относительно недолго. Через несколько

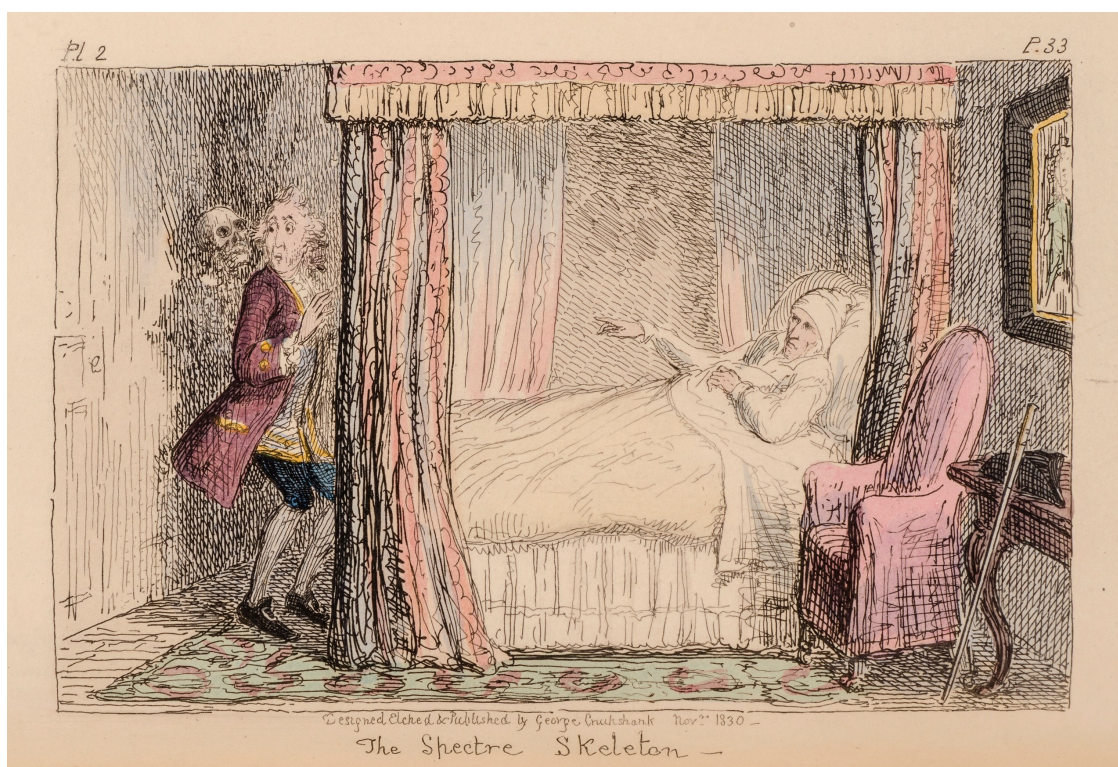
³¹ Имеется в виду роман Рене Лесажа (1668–1747) «Хромой бес». – Прим. перев.

³² В Ирландии до 1922 г., во времена английского господства, существовала должность лорда-наместника Британского королевства. – Прим. Т. Бородиной.

³³ Пресвитерианство (от греч. пресвитер — «старейшина») — направление в протестантизме, признающее кальвинистскую теологию и отвергающее церковную иерархию. – Прим. Т. Бородиной.

³⁴ Нэш Ричард (1674–1762) – английский денди, в зрелом возрасте прозванный «красавчиком» Нэшем. В 1704 г. был назначен распорядителем балов на курорте Бат, и благодаря его усилиям Бат превратился в фешенебельный курорт. – Прим. Т. Бородиной.

месяцев призрак джентльмена-церемониймейстера перестал появляться, а вместо него начал возникать другой, ужасающий для глаз и расстраивающий воображение, будучи не кем иным, как образом самой смерти – видением *скелета*. Наедине или в обществе, – продолжал несчастный больной, – этот призрак всегда был при мне. Напрасно я повторял про себя сотни раз, что мой спутник не принадлежит к миру реальности, что он всего лишь видение, болезненно-остро рисуемое моим собственным перевозбуждённым воображением и расстроенным органом зрения. Но какой смысл в подобных рассуждениях, если символ и образ смерти всё время стоит у меня перед глазами и если, пусть даже только в воображении, я постоянно чувствую себя сотоварищем призрака, выходца из могилы, в то время как я-то всё ещё пребываю на земле? Естественные науки, философия и даже религия пока что не нашли лекарства от этой болезни; и я более чем уверен, что паду жертвой столь меланхолического расстройства, пусть даже я ни в малейшей степени не верю в реальность появляющегося передо мной фантома».

Врач с огорчением понял, узнавши такого рода подробности, до какой степени видения овладели воображением пациента. Он засыпал больного, находившегося в это время в постели, продуманно-сформулированными вопросами относительно обстоятельств появления фантома. Врач полагал, что заставит собеседника – как человека разумного – ощутить несоответствия и противоречия и привлечь на помощь свой здравый смысл, который, как было очевидно, им вовсе не бы утрачен. Таким образом можно было надеяться побороть это столь фантастическое расстройство, повлёкшее за собой до такой степени фатальный эффект. «Что ж, – заявил доктор, – этот скелет, похоже, постоянно стоит у вас перед глазами?» «К несчастью, – отвечал больной, – такова уж моя судьба: всё время его видеть». «Тогда, насколько я понимаю, – продолжал врач, – он и сейчас присутствует в вашем воображении?» «В моём воображении – безусловно да», – подтвердил больной. «А в какой части комнаты в настоящее время пребывает это видение?» – осведомился доктор. «Непосредственно в изножье постели. Ну а если занавески чуть-чуть приоткрыты, то скелет, как мне представляется, – пояснил больной, – перемещается туда и заполняет свободное пространство между гардинами». «Вы осознаёте, что это

лишь иллюзия, – сказал ему на это доктор, – но хватит ли у вас последовательности убедиться в его иллюзорности? Достаточно ли у вас смелости, чтобы встать с постели и подойти к этому мнимому призраку вплотную?» Бедняга вздохнул и отрицательно покачал головой. «Ну что ж, – проговорил доктор, – поставим эксперимент иным способом». И он, поднявшись с кресла, подошёл и встал между двух полуотдёрнутых гардин на уровне изножья постели, ибо именно это место было указано как обиталище призрака. Затем он спросил, видит ли больной и теперь привидение. «Не совсем, – отвечал больной, – поскольку вы встали между ним и мною, но я замечаю, что из-за вашего плеча выглядывает череп».

Учёный даже подскочил, когда услышал в ответ столь точное описание местоположения воображаемого привидения – как раз рядом с собою. Логика не помогла. И он обратился к иным методам исследования и лечения, но результат оказался столь же зыбким и неопределённым. Пациент погружался во всё более и более глубокую депрессию и умер в состоянии полнейшего расстройства сознания, в котором пребывал последние месяцы жизни. Этот случай является грустным примером того, как сила воображения губит тело, даже если приносимые ею фантастические ужасы не способны убить интеллект несчастных страдальцев, одержимых манией. В данном случае пациент сдался на милость болезни; но поскольку обстоятельства столь необычного заболевания так и остались неизвестны никому из окружающих, ему удалось до самого конца сохранить заслуженную репутацию разумного и проницательного законоведа, сопутствовавшую ему всю жизнь.

Добавив эти два примечательных случая к длинной цепочке сходных фактов, приведённых Ферриером и Хиббертом, а также прочими авторами, занимавшимися этим вопросом в более близкое к нам время, мы могли бы сделать вывод, что почти не вызывает сомнения та гипотеза, согласно которой органы чувств вследствие множества внешних причин способны функционировать ненормально и давать искажённую картину мозгу. В подобных случаях люди в буквальном смысле этого слова *видят* несуществующие и бесплотные формы и *слышат* воображаемые звуки, которые на примитивном уровне развития общества воспринимаются как отражение деятельности демонов и привидений. В столь печальных обстоятельствах пациент в интеллектуальном отношении уподобляется генералу, чьи шпионы подкуплены противником, и потому тот обязан заниматься трудной и кропотливой работой по проверке и корректировке собственными силами и средствами достоверности сообщений, доверять которым было бы слишком легкомысленно.

Но у этой гипотезы существует заслуживающая внимания альтернатива. Те же самые органические нарушения, которые, превращаясь в привычное восприятие разрушенным зрением, в рассказанном нами случае давали образы кота, джентльмена-церемониймейстера и сыгравшего столь фатальную роль скелета, могут на весьма короткое время, а то и просто на миг завладеть восприятием человека, целиком и полностью здравомыслящего и обладающего нормальным зрением. Таким образом обман, сообщаемый органами чувств, становится преходящим, и коль скоро это коснётся людей мыслящих и образованных, то затем наступает тщательное изучение происшедшего, и как только характер аберрации будет установлен, реальность займёт место искажённых образов. Но во времена невежества в тех случаях, когда появлялось ложное представление о предмете, неважно, вследствие деятельности органов чувств или воображения, или совместного воздействия того и другого, как бы недолго это ни продолжалось, такого рода явление могло быть воспринято как непосредственное свидетельство существования сверхъестественных бесплотных духов. Подобные свидетельства тем труднее было оспорить, чем разумнее и учёнее был человек, лично наблюдавший фантомное видение, причём этот человек, даже обладая здравым суждением относительно возможности существования привидений, не брал на себя труд откорректировать первое впечатление. Такого рода обман происходит до того часто, что даже один из величайших поэтов нашего времени так ответил даме, поинтересовавшейся, верил ли он в существование духов: «Нет,

мадам, ибо я сам видел их чересчур много». Могу привести ещё один-два примера подобного рода, не вызывающие ни малейших сомнений.

Первый из них – явление Мопертюи коллеге-процессору по Королевскому научному обществу в Берлине.

Это невероятное происшествие описано в «Учёных записках» Общества, а затем на него была сделана ссылка в труде Тьебо³⁵ «Воспоминания о Фридрихе Великом и берлинском дворе». Необходимо оговориться заранее, что профессор Гледич^{37 36}, с которым это случилось, был известным ботаником и своё учёное звание получил за достижения в области натурфилософии в Берлине, где его уважали как человека всегда серьёзного, держащегося со спокойным достоинством.

Вскоре после смерти Мопертюи профессор Гледич как-то шёл через зал заседаний Академии, чтобы попасть в кабинет естественной истории, находившийся в его ведении. Он хотел поработать там по заранее намеченному плану, чтобы завершить задуманное к четвергу, когда должна была состояться сессия. Но стоило ему лишь войти в зал, как он увидел, что на него уставился призрак господина де Мопертюи^{38 37}, стоявший неподвижно и прямо по левую руку от него. Это было примерно в три часа дня. Профессор натурфилософии слишком хорошо знал физику, чтобы допустить, что покойный президент, скончавшийся в Базеле в семье знаменитого Бернулли^{39 38}, сумел лично добраться до Берлина. Он воспринял это видение именно как фантомное явление, возникшее вследствие какой-то аберрации его собственных органов чувств. Профессор Гледич занялся своими делами, задержавшись по пути ровно настолько, чтобы пристально взглянуть на неожиданное видение. Однако он рассказал об этом явлении своим коллегам и заверил их, что призрак выглядел совершенно осязаемым – можно было подумать, будто явился и впрямь лично Мопертюи. Если вспомнить, что Мопертюи умер на значительном расстоянии от Берлина, бывшего когда-то ареной его триумфов, но где затем из-за насмешек Вольтера^{40 39} он лишился благосклонности Фридриха, в понятии которого быть смешным означало быть ничтожеством, то мы вряд ли удивимся тому, что воображение человека, пусть даже искушённого в естественных науках, привело своего кумира в зал прежнего величия Мопертюи.

Здравомыслящий профессор, однако, не довёл исследование наблюдаемого явления до логического конца, как это сделал один храбрый военный, из уст которого близкий друг автора и слышал сходную историю.

Капитан К. был уроженцем Британии, однако служил в ирландской бригаде^{41 40}. Это был человек отчаянной храбрости, многократно проявленной им во время невероятно-головолом-

³⁵ Дьёдонне Тьебо (1733–1807) – французский писатель, профессор французского языка в Берлине и друг Фридриха Второго. – Прим. Т. Бородиной.

³⁶ Иоганн Готтлиб Гледич (1714–1786) – немецкий ботаник и лесовод, директор Берлинского ботанического сада и профессор лесных наук и лесной ботаники в Берлинском лесном институте. – Прим. Т. Бородиной.

³⁷ Мопертюи в течение длительного времени был президентом Берлинской Академии наук и находился в чести у Фридриха II, но затем на короля подействовали насмешки Вольтера. И Мопертюи подал в отставку и удалился, чувствуя себя обесчещенным, в свою родную Швейцарию, где вскоре умер. – Прим. к изданию 1885 г.

³⁸ Из швейцарской семьи Бернулли вышли такие учёные, как математики Якоб (1654–1705), доказавший простейший случай закона простых чисел (теорема Бернулли), Иоганн (1667–1748), занимавшийся исчислением бесконечно малых величин, и физик Даниил (1700–1782), сын Иоганна, изучавший механику жидких и газообразных тел (уравнение Бернулли). – Прим. Т. Бородиной.

³⁹ Франсуа-Мари Аруэ, псевдоним Вольтер (1694–1778) – французский философ, поэт и прозаик, просветитель, отличался вольнодумством и язвительностью. Из-за постоянных публичных насмешек Вольтера Мопертюи был вынужден оставить пост президента Академии наук. – Прим. Т. Бородиной.

⁴⁰ Ирландцы составляли до трети британской армии времён империи. В отдельную войсковую часть Ирландская бригада была выделена в 1792 г. и получила название «Ирландской католической бригады». Существовала даже поговорка, что империя была завоёвана ирландцами, управлялась шотландцами и валлийцами, а выгоды приносила англичанам. – Прим. Т. Бородиной.

ных походов во времена Французской революции, когда он выполнял весьма опасные поручения королевской семьи. После кончины короля он переехал в Англию, где и случилось описываемое происшествие.

Капитан К. был католиком, и по крайней мере в час испытаний искренне придерживался требований религии. Исповедником его был священник, являвшийся постоянным духовником одной знатной особы и проживавший в западной части Англии примерно в четырёх милях от того места, где жил капитан К. Как-то утром капитан поехал верхом, чтобы увидеться со своим исповедником, и, к величайшему своему огорчению, обнаружил, что тот слёг от тяжёлой и опасной болезни. Он вернулся к себе страшно расстроенный и боящийся за жизнь друга, и эти чувства вызвали у него поток грустных и печальных воспоминаний. Он был поглощён ими вплоть до самого момента отхода ко сну, и вдруг, к безмерному его удивлению, в комнате перед ним предстал тот самый исповедник. Он окликнул его, но не получил ответа – только глаза воспринимали появление этого человека. Преисполненный решимости выяснить всё до конца, капитан К. подошёл поближе к фантому, тот же, казалось, отступал по мере приближения. Так капитан проследовал вокруг постели, а затем увидел, что призрак уселся в глубокое кресло, да так и остался в нём сидеть. Чтобы полностью удостовериться в характере видения, военный уселся сам именно в это кресло и безоговорочно убедился в том, что виденное им – иллюзия; но если бы друг капитана умер приблизительно в это же время, тот бы всё время искал определение своему видению. Однако, поскольку исповедник выздоровел и, как когда-то сказал доктор Джонсон⁴¹, «из этого ничего не вышло», происшествие осталось в памяти капитана лишь постольку, поскольку явилось демонстрацией того, что даже люди с крепкими нервами могут быть подвержены подобным aberrациям.

По поводу ещё одной иллюзии подобного рода мы готовы клятвенно поручиться, что это – истинный факт, хотя, по определённым причинам, мы не будем приводить имена участников. Произошло это вскоре после смерти одного блистательного поэта, который ещё при жизни завоевал огромное уважение читающей публики. Один из друзей покойного, литератор, который хорошо знал умершего, читал в осенних сумерках публикацию, претендовавшую среди многих подобных на то, чтобы обстоятельно рассказать о мнениях и привычках ушедшей из жизни знаменитости. Поскольку читатель был весьма близко знаком с покойным, эта публикация его страшно заинтересовала, тем более что там приводились кое-какие подробности о нём самом и других друзьях усопшего. В квартире в это время находился гость, также погружённый в чтение. Гостиная выходила в прихожую, украшенную весьма экзотическим набором доспехов, шкур диких животных и прочих вещей подобного рода. И когда человек, о котором я рассказываю, отложил книгу и прошёл в прихожую, которую только что осветила луна, то увидел прямо перед собой стоящего во весь рост покойного друга, чей образ живо возник в его воображении в результате чтения. Он остановился на мгновение – так поразило его сходство фантома с действительным образом знаменитого поэта: та же осанка, тот же костюм, во всех подробностях. Однако, отдавая себе отчёт в том, что перед ним всего лишь порождение обмана зрения, он не испытал никаких чувств, за исключением естественного удивления точностью воспроизведения деталей внешности и одежды, и двинулся прямо к стоящей фигуре, которая по мере приближения распадалась на составляющие её слагаемые. Это оказалась всего лишь ширма, где висели пальто, шинели, шали, пледы и прочая всякая всячина, какой и подобало находиться в прихожей деревенского дома. Зритель вернулся на то самое место, откуда он заметил фантом, и изо всех сил попытался воссоздать образ, столь живо перед ним проявившийся. Но это было за пределами его возможностей, и человек, только что наблюдавший

⁴¹ Сэмюэль Джонсон (1709–1784), более известный как доктор Джонсон, – английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения, автор «Словаря английского языка» (1755) и «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов» (1779–1781). – Прим. Т. Бородиной.

подобное видение, или, точнее, чьё возбуждённое состояние породило его появление, вернулся в гостиную и рассказал молодому другу, до чего живо предстала перед ним эта зрительная галлюцинация.

Есть все основания полагать, что случаи подобного рода особенно характерны для людей с определённым темпераментом, достаточно впечатлительных, но здравомыслящих. Когда подобное случалось в давние времена, участники такого события были почти уверены в том, что наблюдали самое настоящее сверхъестественное явление. Но позже – другое дело: испытанное ими отличалось от явлений, виденных Николаи и прочими, о которых мы только что говорили, ибо оказывалось кратковременным и не представляло собой следствие врождённых или благоприобретённых аберраций органов чувств. Появление призрака Мопертью перед господином Гледичем или католического священника перед капитаном К., а также покойного поэта перед его другом принадлежит к числу событий последнего рода. Между ними и предыдущими случаями сходства не больше, чем между кратковременным повышением температуры и приступом лихорадки. Но именно по этой причине значительно труднее отнести подобные мимолётные видения к истинной их сфере оптических иллюзий, поскольку они гораздо легче согласуются с нашими представлениями относительно проникновения в будущее, чем видения непрекращающегося характера или появляющиеся в течение часов, дней или месяцев, так как последнее даёт возможность установить по сопутствующим обстоятельствам, что это лишь симптомы, свидетельствующие о расстройстве здоровья.

Прежде чем подвести итог наблюдавшимся случаям искажения восприятия через органы чувств, отметим: глаз является важнейшим органом передачи нашему сознанию внешнего облика посторонних предметов, и когда орган зрения в той или иной мере поражён, искажение им видимых предметов в огромнейшей степени способно проявиться в форме только что описанных нами галлюцинаций. В то же время и другие органы чувств способны, в свою очередь и в пределах своих возможностей, искажать получаемые впечатления или делать их недостоверными, что вместо объективной информации сообщает дезинформацию соответствующему адресату.

Так, если говорить об ухе, являющемся следующим по значению органом после глаза, нас постоянно вводят в заблуждение звуки, несовершенно воспринятые и ошибочно оценённые. Ложные представления, полученные посредством этого органа, аналогичны зрительным фантамам. Возникает целый массив суеверных наблюдений, в основе которых лежит нечёткое и несовершенное звуковое восприятие. Для возбуждённого и неаккуратного уха характерно принятие на веру существование изящно описанных Мильтоном⁴² «языков воздуха», которые

*...Вдоль пустошей береговых витали
Людские имена на слогх разбивали».*

В результате подобных явлений возникают вполне естественные поводы для беспокойства, и мы хотя и переживаем вместе с Робинзоном Крузо, когда тот видит на песке отпечаток ноги дикаря, но в гораздо большей степени сочувствуем ему, когда тот пробуждается ото сна потому, что на этом необитаемом острове кто-то произнёс его имя, ибо на этой земле никто, кроме спасшегося при кораблекрушении моряка, не живёт. В ряду предрассудков, в основе которых лежит несовершенство нашего слуха, мы могли бы отметить провидческие явления, воспринимаемые жителями Гебридских островов, как верный знак судьбы. В подобных случаях часто слышится голос отсутствующего, а то и покойного родственника, многократно про-

⁴² Джон Мильтон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов. Один из самых знаменитых литераторов 1650-х годов — яркой эпохи Английской революции. В данном случае Скотт цитирует пьесу Мильтона «Комус» (1634 г.), монолог Леди. – Прим. Т. Бородинной.

износящего имя того или иного лица. Иногда такого рода несущиеся по воздуху звуки воспринимаются как вестник смерти говорящего, а часто случается и так, что умирает именно тот, чьё имя будто бы называется, и это происходит по той же самой причине, по какой негр, на которого накладывает заклятие женщина из племени Оби⁴⁴, умирает. Точно так же валлиец⁴⁵, чьё имя с соблюдением соответствующих церемоний произносится в знаменитый колодец проклятий, что предаёт его в руки подземных божеств, начинает непоправимо чахнуть, ибо как бы обречён на это. Доктор Джонсон, в глубинах сознания которого навсегда отложился этот случай, как-то раз, когда он отворял двери своей комнаты в колледже, услышал голос матери, находившейся тогда на расстоянии нескольких миль от него, которая окликала его по имени; и он был весьма разочарован, поскольку вслед за этим сверхъестественным явлением не произошло ничего значительного и судьбоносного. Нет необходимости останавливаться именно на такого рода слуховых aberrациях, превеликое множество их примеров может привести практически каждый. Следующий пример показателен в том смысле, что наглядно демонстрирует, на какие мелкие раздражители может реагировать человеческое ухо. Года два назад автор шёл по дикой и пустынной местности в сопровождении молодого друга, страдавшего от сильнейшей глухоты, и вдруг он услышал, как ему показалось, отдалённый лай стаи гончих, который то и дело повторялся. Поскольку сезон был летний, по здравому размышлению был сделан вывод, что это вовсе не звуки настоящей охоты, и всё же до ушей слушателя то и дело доносился воображаемый лай. Он подозвал своих собак, поскольку две-три следовали вместе с ними. Они подбежали молча и явно не имели ни малейшего отношения к звукам, на которые автор обратил внимание, и потому он не сдержался и заявил своему спутнику: «Я вдвойне скорблю о вашем нездоровье, ибо в противном случае я бы дал вам возможность услышать шум Дикой Охоты»⁴⁶. Поскольку молодой джентльмен пользовался слуховой трубкой, то обернувшись, когда к нему обратились, и тут стала ясна причина наблюдаемого явления. Предположительно отдалённый звук оказался весьма близким, ибо представлял собой пение ветра в том самом инструменте, которым молодой джентльмен вынужден был пользоваться, но его старшему другу никогда и ни при каких обстоятельствах не приходило в голову, что именно таким способом могут возникать подобные звуки.

Вряд ли есть нужда пояснять, что столь распространённая в Германии вера в Дикую Охоту основывается на сильнейших aberrациях воображения, порождённых слуховыми галлюцинациями, берущими своё начало из многочисленных бессвязных звуков, рождённых в чащах нехоженных лесов.

Та же первооснова прослеживается в сходном шотландском поверье, столь изящно отображённом безымянным автором «Альбании»⁴⁷:

*С тех пор, как таны Расса в тех краях,
Окружены роднёй своей и свитой,
Оленей загоняли и волков,*

⁴³ В фольклоре африканских народов (йоруба, фон и др.) оби – колдовство, то есть женщины племени Оби — колдуньи. Впоследствии этот термин вместе с культом и пантеоном йоруба проник в гаитянскую мифологию вуду. – Прим. Т. Бородиной.

⁴⁴ Валлиец – есть житель Уэльса. Древнее название этого народа – кимры (по-валлийски означает «соотечественники»). – Прим. Т. Бородиной.

⁴⁵ Дикая Охота — в фольклоре народов Западной Европы кавалькада призраков верхом на лошадях с гончими псами в узде. Она пронесётся в вихре ледяного ветра в сопровождении воя рогов, свиста, гомона и топота. Призраки хватают зазевавшихся и уносят их в потусторонний мир или просто пугают их своим видом. Встреча с Дикой Охотой предвещает несчастье и даже смерть. – Прим. Т. Бородиной.

⁴⁶ Оригинальное издание поэмы «Альбания» встречается крайне редко, и, кроме собственного экземпляра, я видел всего один, принадлежащий доброму и остроумному доктору Битти, отпечатанный в первой половине прошлого столетия. Поэма была воспроизведена моим покойным другом доктором Лейденом в небольшом томике, изданном под названием «Шотландские сюжетные поэмы». Туда входит не только «Альбания», но и другие поэтические произведения высочайшей художественной ценности. – Прим. к изданию 1885 г.

*Здесь часто слышно в полдень или в полночь:
Сначала лёгкий звук, потом всё громче
И клич охотничий, и завыванье гончих,
И рог, трубящий резко в отдаленье.
Потом всё ближе шум погони,
Доносится предсмертный рёв оленя,
Стучат копыта, звон стоит на склоне,
Собачий лай и голоса людей.
На пастбище насторожилась тёлка,
И сам пастух, заслышав гул, дрожит.
Он озирает взглядом потрясённым
Холмы и склоны – ни следа живого:
Нет ни охотников, ни псов, ни дичи –
Кто ж на него нагнал такого страху,
Злой дух, колдунья, оборотень или
Сам дьявол? И пастух трепещет,
Испуган, бесконечно изумлён.⁴⁷*

Следует также иметь в виду, что слуховые иллюзии, основывающиеся на чревовещании и прочих приёмах, часто являются основой множества удачных обманов, которые легковёрная публика принимает за общение с миром сверхъестественного.

Осязание, похоже, менее подвержено абберациям, чем зрение или обоняние, и отмечается не так уж много случаев, когда оно являлось бы средством сообщения ложной информации, как это нередко свойственно зрению и слуху, ибо глаз и ухо воспринимают предметы с гораздо более дальнего расстояния и не столь точно, и потому способны стать соучастниками возникновения иллюзии. И всё же существует одна ситуация, при которой осязание, подобно прочим чувствам, способно дать обладателю органов чувств неверные сведения, ибо это происходит при таких обстоятельствах, когда воздействие на человека неоспоримо. Имеется в виду состояние сна, когда спящий прикасается к отдельным частям собственного тела. В подобных случаях спящий бесспорно является одновременно и действующим лицом, и пассивно воспринимающей личностью – он и тот, кто трогает, и тот, кого трогают. Более того, ситуация осложняется тем, что рука одновременно и касается той части тела, на которой она покоится, и воспринимает телесное воздействие той же самой части тела, о чём передаётся мозгу соответствующие – или не соответствующие – подробности. Ну а поскольку во сне это лицо не отдаёт себе отчёт, что обе части тела принадлежат именно ему, ум спящего встревожен осложнёнными ощущениями. Так возникают ложные впечатления, которые, будучи тщательно проанализированы, дают возможность найти разгадку ряду озадачивающих явлений из области теории сновидений. Таковы особенности осязания, для которого не существует отдельного органа, ибо органом его является всё тело целиком, что в своё время заметил Лукреций⁴⁸: «...сам убедишься ты, если рукою/Как-нибудь тело своё по любой его части ударишь»⁴⁹.

Интересный случай подобного рода иллюзий был мне рассказан одним ныне покойным дворянином. Он как-то уснул, испытывая неприятные ощущения из-за несварения желудка. Они проявлялись обычным порядком, путём зрительных аббераций. В течение определённого времени эти ужасы, собравшись воедино, сформировали представление о призраке мертвеца, якобы держащем спящего за запястье и пытающемся выволочь его из постели. Он в страхе

⁴⁷ Перевод О. Лемберг. – Прим. Т. Бородиной.

⁴⁸ Тит Лукреций Кар – древнеримский поэт. Цитата из поэмы «О природе вещей». – Прим. Т. Бородиной.

⁴⁹ Тит Лукреций Кар «О природе вещей»/Пер. Ф. Петровского. – Прим. перев.

проснулся, всё ещё ощущая холодное прикосновение трупа к правой руке. Но не прошло и минуты, как он понял, что его левая рука онемела, случайно обхватив правую.

Вкус и обоняние, наравне с осязанием, сообщают гораздо более непосредственную информацию, чем глаз и ухо, и они в гораздо меньшей степени, чем зрение и слух, имеют тенденцию к обману воображения. Мы уже отмечали, как нёбо кормившегося овсянкой лунатика протестовало против зрительных галлюцинаций, слуховых аберраций и тактильной дезинформации, окрасивших уединённое затворничество пациента весёлыми видениями. Нёбо, однако, может быть таким же предметом воздействия, как и другие органы чувств. Наиболее изощрённый и утончённый бонвиван может потерять способность различать отдельные марки вина, если в роли помощника нёба не будет выступать глаз, то есть если вино будет вперемешку подаваться ему вслепую, когда глаза завязаны. Более того, мы с доверием относимся к рассказам о том, как люди умирали, полагая, что приняли яд, в то время как выпитая ими микстура носила сугубо лечебный или подкрепляющий характер. Но аберрации, связанные с желудком, вряд ли относятся к теме нашего изложения и не более соотносятся со сверхъестественными видениями, чем хороший обед и сопутствующие ему прелести соотносятся с видениями Тэма О'Шэнтера⁵⁰, предстающими как наблюдения поэта, а не как отражение реальности:

*Лихой и храбрый Джон Ячменный,
С тобой нам море по колено,
Мы эль хлебнём и смотрим гордо,
А с виски чёрту плюнем в морду!
Башикою Тэмми смел и крут,
Да только ноги не идут.*⁵²

Чувство запаха при нормальных обстоятельствах также не имеет сколь-нибудь серьёзного отношения к теме нашей книги. Мистер Обри⁵³ рассказывает нам о призраке, который, пропадаая, издавал странный запах, а также мелодичный звон; при этом широко распространённые поверья приписывают адским созданиям сильный запах серы, залегающей в подземельях, где они якобы обитают. Такого рода сопутствующие факторы обычно используются в совокупности как элемент надувательства и обмана. И если, как принято считать и чего, в общем-то, не отрицает доктор Хибберт, путём вдыхания некоторых газов, а также испарений ядовитых трав некроманты могут заставить человека поверить, будто он видит призраки, то через ноздри, а также рот может производиться воздействие, приводящее к иллюзорным восприятиям⁵⁴.

И вот кружным путём я пришёл к заключению данного письма, цель которого показать, какие именно свойства человеческой природы, не важно, телесные или умственные, порождают предрасположение к вере в сверхъестественные видения. И, как я полагаю, можно сделать вывод, что человечество, начиная с самых ранних периодов своего существования, было уже умственно готово к признанию существования мира духов. Ибо в основе этого лежит обоб-

⁵⁰ Цитируемый Вальтером Скоттом текст является ещё одним наглядным примером трансформации философского содержания стихотворных оригиналов в профессиональных русских переводах и переложениях. Безоговорочное жизнеутверждение, проходящее через все переложения С.Я. Маршака «Джон Ячменное Зерно», не имеет никаких точек соприкосновения с идеей Тэма О'Шэнтера относительно невозможности под влиянием алкоголя оценить истинные масштабы зла и степень его могущества. – Прим. перев.

⁵¹ Р. Бёрнс. «Тэм О'Шэнтер»/Пер. О. Воздвиженской. – Прим. Т. Бородиной.

⁵² Джон Обри (1626–1697) — английский антиквар, автор «Естественной истории Суррея» и многотомного труда «Hypomnemata Antiquaria» («Заметки о древностях»). – Прим. Т. Бородиной.

⁵³ Многие древние авторы, берущие на себя смелость излагать чудеса природной магии, дают рецепты вызова духов. Рекомендуемыми средствами являются, к примеру, лампы, заправляемые определёнными видами лекарственных масел, а также испарения сильно пахнущих и вредных растений. Опираясь, по-видимому, на эти источники, один профессор чёрной магии заверял доктора Андерсона из Гуллы, что способен составить препарат сурьмы, серы и других элементов, которые, будучи сожжены в закрытом помещении, заставляют пациента поверить, что он видит духов. – Прим. к изданию 1885 г.

щённая гипотеза, что каждый человек, от монарха до нищего, уже когда-то играл свою роль на сцене и продолжает ныне своё существование. Причём это может повториться и в будущем, даже в бестелесной форме, будь на то небесное соизволение. Ведь пока мы не удостоверимся в противном, мы можем предполагать, что и в этом состоянии возможно пребывание среди тех, кто ещё не отделился от своей телесной оболочки. Абстрактная возможность существования привидений должна быть признана всеми, кто верит в Бога и его неограниченное всемогущество. Однако воображение способно предложить собственные объяснения и сопоставления, восполняя тем недостаток достоверных сведений. Бывает так, что наши бурные и необычайные страсти, в основе которых лежит горестное воспоминание о наших друзьях, раскаяние в совершённых преступлениях, готовность проявить патриотизм или глубокое чувство преданности, а также иные сильные переживания побуждают нас считать особенности их проявления реальными доказательствами сношений с потусторонним миром, возможность которого отрицать нельзя. А иногда телесные органы пагубно воздействуют на разум, если глаз и ухо вследствие болезни, неправильного функционирования или обмана чувств сообщают человеку ложные впечатления. Очень часто умственное расстройство и физические аберрации неотторжимы друг от друга, и вера человека в представшие перед ним явления, пусть даже обманно поданные органами чувств, тем крепче и неопровержимее, чем прочнее связь между физическим представлением и умственным возбуждением.

И вот поскольку возможно воздействие различнейших факторов одновременно или порознь, независимо от их интенсивности, то на младенческих стадиях существования любого общества не может ни возникнуть множества якобы подтверждённых случаев общения с миром сверхъестественного, достаточно удовлетворительных в рамках тех конкретных примеров, которые вписываются в общую гипотезу, воспринимаемую нами как базирующуюся на вере в бессмертие души. Эти примеры неопровержимых видений (ибо оспорить их невозможно) падают, словно семена, разбрасываемые пахарем на плодородную и вспаханную почву, но за ними обычно следует обильный урожай суеверных представлений, источником которых являются обстоятельства и события священной и гражданской истории, поспешно притянутые к тем или иным ситуациям и оторванные от подлинного контекста. Это и явится темой следующего письма.

ПИСЬМО II

Последствия первого грехопадения для общения между человеком и миром духов. – Следствие потопа. – Маги фараона. – Текст книги «Исход», касающийся ведьм. – Толкование слова «ведьма» («ворожее») отдельными лицами как «отравительница». – Если же в Священном Писании имеется в виду «пророчица», то это лицо, при всех обстоятельствах, отличное от тех, кто под этим понимается. – Смысл употреблённого в подлиннике слова «хасаф»: человек, имеющий дело с ядами, зачастую ими торгующий и связанный с духами. – Отличие этого понятия от европейского средневекового термина «ведьма». – «Ведьма» в данном смысле как лицо, не имеющее отношения к искушению Иова. – «Ведьма», «ворожее» древних евреев – не более чем обыкновенная прорицательница. – Деятельность её, однако, как род занятий, караемый смертью, поскольку она была вызовом всемогуществу и верховенству Иеговы. – Прочие тексты Завета, свидетельствующие о том, что речь там скорее шла о гадалках и прорицательницах, а не о тех, кого сейчас зовут «ведьмами». – Пример Аэндорской волшебницы. – Рассказ о её встрече с Саулом. – Предположение о её самозванстве. – Другое предположение, гласящее, будто она являлась колдуньей, способной при помощи собственного искусства вызвать дух пророка. – Сложности, проистекающие из каждого из этих вариантов. – Срединная версия, основывающаяся на том, что, как и в случае с Балаком, Всемогущий, проявив свою волю, подменил Самуила или доброго его духа, предвидя преднамеренный обман со стороны волшебницы. – Продолжение аргументации, доказывающей, что Аэндорская волшебница олицетворяла нечто весьма отличное от современных представлений о колдовстве. – Резкое отличие ведьм Нового Завета, как и ведьм Книг Моисеевых, от современных представлений о колдуньях и отсутствие у них могущества, приписываемого волхвам и магам. – Символы веры, извлекаемые по этому поводу из Писания. – Возможность соизволения Всевышнего на обладание низшими, и даже злыми, духами определённым могуществом; осмысление в определённой степени языческих богов как демонов. – Гораздо более частое восприятие их в бытовом смысле – куски дерева, лишённые какой бы то ни было силы, поклонение которым основано на самозванстве. – Разделяемое Мильтоном мнение, будто бы оракулы умолкли в момент Рождества Христова. – Проявление демонизма. – Возможное исчезновение врождённой одержимости одновременно с проявлениями чуда. – Мнение католиков. – Итоговый вывод, гласящий, что ни в Моисеевом законе, ни в Заповедях не имеется понятия «колдовство» в его средневековой интерпретации. – Возникновение его в непросвещённый период, когда христиане рассматривали богов магометанских и языческих народов как дьяволов, а их священников и жрецов – как магов и колдунов. – Пример сарацинов и ещё не обращённых в христианство народов Северной Европы. – Применение той же системы для истолкования сущности богов Мексики и Перу. – А также североамериканских идолов. – Мнение Мэзера. – Преследование Гибба другими диссидентами за предполагаемое колдовство. – Заключение.

До какой степени дошли бы контакты между человеческой расой и обитателями того света, если бы наши прародители строго следовали велениям Творца, остаётся лишь гадать до бесконечности. Но мы, как я полагаю, не слишком много на себя возьмём, если предположим, наравне с Мильтоном, что одним из неперемненных последствий употребления «плода с запретного древа» было отдаление на значительное расстояние друг от друга небесных созданий и существ, которые первоначально хотя и были лишь чуть ниже ангелов, но затем, вследствие совершённого ими преступления, отвергли дар бессмертия и низвели себя на низший уровень творения.

Однако и после грехопадения продолжались отдельные контакты между миром духовным, обитатели которого совокупно поименованы в Писании «сыновьями Господними» и

дочерьми Адама, пусть даже эти связи не одобрялись Правителем рода человеческого. У нас создаётся представление, само собой, нечёткое, но дающее возможность уяснить, что взаимосвязи между двумя категориями сотворённых существ являлись грешными для той и другой стороны и неугодными Всемогущему. Не исключено также, что исключительное долголетие допотопных смертных лишило их непосредственного ощущения готовности встать под знамена Азраила⁵⁴, ангела смерти, и чересчур отдалило наказание от преступления. Карающий Потоп стал отправной точкой рождения расы со значительно укороченной продолжительностью жизни. Обладая значительно меньшими и гораздо более редкими возможностями общения с творениями более высокого порядка, эта раса тем самым опустилась на низшую ступень в иерархии созданий Божьих. По прошествии этого события мы уже, соответственно, более не слышим о весьма необычных связях, предшествовавших Потопу, и нам даётся понять, что человечество, разбросанное по разным частям света и раздробленное на отдельные, не связанные друг с другом общества, в различных местах и под различными предложениями стало исполнять свою работу по заселению мира, что и было ему представлено как конечная цель творчества. В то же время, когда Господь с радостью продолжал являть себя перед отцами избранного народа, нам было дано понять, что злонамеренные люди – и это, по-видимому, произошло не без помощи падших ангелов – получили возможность попытаться обрести могущество пророков Бога Израилева. Остаётся неясно, при помощи колдовства или магии мудрецы фараона, царя египетского, споря с Моисеем перед лицом народа и государя, обращали посохи в змеев и воспроизводили отдельные из казней египетских, обрушившихся на их царство. Тем не менее эти магические возможности, неважно, обретенные ли в результате наличия связей с миром сверхъестественного или приобретенные благодаря знанию магических приёмов и умению их использовать, демонстрировались тогда открыто; и кто смеет усомниться в том, что нам, пусть даже мы остались в определённом неведении относительно степени могущества этих людей и её источника, сказано всё, что нам следует знать? Мы сейчас приближаемся к тому периоду, когда Всемогущий вознамерился лично дать Закон своему избранному народу, но у нас нет точных сведений относительно того, существовало ли после Потопа понятие преступления, заключавшегося в колдовстве или в сношениях между миром духов и телесными созданиями с недобрыми целями, а если таковое случилось, то выражал ли Господь по этому поводу своё открытое неудовольствие.

Однако в Законе Моисеевом, который был продиктован самим Господом⁵⁵, присутствует текст, и он, будучи истолкован буквально, оказался включён в уголовные кодексы всех христианских стран и повлёк за собой превеликое множество жестокостей и крови, ибо, с одной стороны, не было понято его истинное содержание, а с другой стороны, поскольку это положение было сформулировано исключительно для израильтян, оно в таком виде и было включено в свод Законов Моисеевых, но более добрый и гуманный Новый Завет аннулировал его, как, впрочем, и значительную часть прочих законоположений Моисеевых.

Текст, о котором идёт речь, принадлежит двадцать второй главе книги «Исход» и гласит: «Ворожеи не оставляй в живых»⁵⁶. Множество учёных мужей утверждают, что в этом примечательном отрывке древнееврейское слово «хасаф»/chasaph означает всего-навсего «отравитель», как, впрочем, и латинское «венефикус»/veneficus, фигурирующее в этой версии «семи-десяти толковников», причём есть и такие учёные, которые довольствуются тем, что это слово значит также «ведьма»⁵⁷ и потому должно обозначать лицо, которое пытается нанести вред

⁵⁴ Азраил (Азраэль) – один из четырёх главных ангелов в еврейской и исламской традиции. Это имя не упоминается ни в Коране, ни в Еврейской Библии, но в то же время он известен как «ангел смерти». – Прим. Т. Бородиной.

⁵⁵ Имеются в виду десять заповедей, полученных Моисеем от Бога на горе Синай. – Прим. Т. Бородиной.

⁵⁶ Исход 22:18. Синодальный перевод. – Прим. Т. Бородиной.

⁵⁷ Не вдаваясь в теологические тонкости толкования ветхозаветных и новозаветных текстов в русском синодальном издании Библии, считаю тем не менее необходимым предупредить, что ни в одном из русских канонических переводов Священ-

ближнему, покушаясь на его жизнь, здоровье или имущество посредством яда, колдовских чар или иных мистических средств. В этом смысле ведьмы из Священного Писания имеют хотя бы какое-то сходство с лицами того же названия из старинной Европы, ибо если их ловкостью и могуществом можно пренебречь, коль скоро они ограничиваются лишь чарами и заклинаниями, то путём применения реального яда они могут принести настоящее зло. Неудивительно, что слова «колдунья» и «отравительница» становились почти что синонимами. Именно так, насколько известно, и было во время проведения множества тайных расследований, связанных с характерными для такого рода преступлений применением потаённых и запретных искусств. Именно это говорилось в обвинительном заключении по делу тех, кто был замешан в напущенном убийстве сэра Томаса Овербери⁵⁸, когда искусства Формена и прочих чародеев оказалось недостаточно, чтобы отнять у жертвы жизнь, и пришлось, чтобы добиться успеха, прибегнуть к яду. Можно было бы привести превеликое множество подобных случаев. Но если предположить, что древнееврейская ведьма действовала лишь при помощи чар, заклинаний и прочих подобных средств, абсолютно безопасных, если они не подкреплены содействием демонов и им подобных, то отсюда следует, что формы связи между занимающимися ворожбой и демоном носили во времена действия Закона Моисея совершенно иной характер, чем в более поздние дни, когда они воплотились в форме колдовства. Не было никакого договора, подчиняющего человека дьявольским силам, не было адской печати или инфернального знака принадлежности к столь фатальной лиге, никаких праздников в честь Сатаны и его прислужников, никаких болезней и несчастий, навлекаемых на честных людей. По крайней мере в Священном Писании нет ни единого слова, позволяющего нам полагать, будто подобная система имела место. Напротив, нам всё время говорится прямо или иносказательно – здесь не место это разбирать, – что когда Враг рода человеческого решил проверить степень добродетельности Иова до самого предела, он обратился за разрешением к Верховному Существу, правящему миром, и Он предоставил ему свободу подвергать своего верного слугу испытаниям при помощи череды несчастий, чтобы тот ещё более блистательно выказал веру в Творца и преданность Ему, что Иов и сделал. При всём том, если бы это событие, обставленное подобным образом, имело место в более поздние времена, на помощь пришли бы колдовство, ведовство и чары, а дьявол, вместо того чтобы действовать с разрешения, привлёк бы к делу прислужницу-ведьму, которая и стала бы необходимым орудием несчастий для Жителя Уз. Именно таким образом Сатана хотел заполучить Петра, чтобы сеять его, как пшеницу⁶⁰⁵⁹. Но ни в том, ни в другом случае нет посредников в лице волшебника или колдуна. Достаточно обратиться к Евангелию от Луки, глава 22, стих 31.

А если предположить, что во времена Моисея возможности ведьм в отношении запросов через каких-нибудь самозванных божков или настоящих злых духов по поводу событий будущего были весьма ограничены, то с какой стати, позвольте спросить, могло подобное преступление заслуживать столь суровое наказание, как смерть? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обязаны отдавать себе отчёт в том, что предметом забот Моисея было сохранение почитания Истинного Божества в сердцах конкретного, избранного народа, ибо Бог Иакова по необходимости выказывал себя ревнивым божеством, грозным по отношению к тем, кто сходил с прямого пути почитания Иеговы и обращался к иным богам, неважно, идолам, злым духам или языческим божкам соседних народов.

ного Писания слово «ведьма» или «колдун», «колдунья» вообще не употребляется. В то же время английский эквивалент этого слова – witch – приобрёл для изданий, выпускающихся в Великобритании и США, терминологический характер. – Прим. перев.

⁵⁸ Томас Овербери (1381–1613) – английский придворный поэт и эссеист. – Прим. Т. Бородиной.

⁵⁹ В синодальном переводе это место звучит так: «И сказал Господь: Симон! Симон! Сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк., 22:31). – Прим. Т. Бородиной.

Уход от приверженности истинному Богу и даже обращение с молитвой к бессмысленным камням и чурбанам, неспособным дать ответ, являлись, согласно еврейскому Закону, бунтовщицким вызовом своему Господу, а потому заслуживали смертной казни. Так были преданы смерти проповедники культа Ваала⁶⁰, и не потому, что те могли рассчитывать на какой бы то ни было успех, пытаясь при помощи заклятий и заклинаний обратиться в посредников между людьми и Богом (впрочем, несмотря на всё их рвение и самозабвенную готовность причинять себе боль и наносить себе ранения, это оказалось до такой степени безрезультатным, что сделало их посмешищем в глазах пророка), но потому, что они были виновны в богоотступничестве, почитании ложного божества Ваала – призывах к забвению истинного Господа и идолопоклонству. Таким образом, древнееврейская ведьма или всякая ворожея, связывавшаяся или пытавшаяся связаться со злым духом, должна была по справедливости караться смертью несмотря на то, что, быть может, связей с миром зла у неё и вовсе не существовало или они носили гораздо менее интимный характер, чем тот, что приписывался ведьмам более поздних времён. Вдобавок, само существование подобного закона, направленного против ведьм и ворожей ветхозаветных времён, не может ни в коей мере оправдывать суровость по отношению к совершенно иной группе лиц, обвиняемых в совершенно иных преступлениях с точки зрения христианского откровения.

Есть ещё один раздел, где также делаются ссылки на поведение лиц, которых Священное Писание трактует как ведьм; и вновь становится совершенно ясно, что в Ветхом Завете имеется в виду обращение за советом к ложным богам. Иными словами, поклонение идолам, которое, несмотря на многочисленные запреты, примеры и суды, всё ещё оставалось самым распространённым преступлением среди израильтян. Речь идёт о тексте из Второзакония, глава 18, стихи 10 и 11: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мёртвых»⁶²⁶¹. Такого же рода угрозы содержатся в девятнадцатой и двадцатой главах книги Левит. Подобным же образом формулируется обвинение против Манассии (Вторая книга Паралипоменон, глава 38⁶²), гласящее, будто бы он проводит своих детей через огонь, гадает о будущем, использует заклинания и ворожбу, а также общается с духами и магами. Эти тексты сходны с предыдущими в том смысле, что классифицируют колдовство как одну из форм отклонения от Божественных пророчеств с тем, чтобы добиваться своего при помощи обрядов и суеверий живущих рядом языческих народов. Иное понимание текстов как раз и ведёт к современному толкованию термина «колдовство» со всем его неестественным и невероятным надругательством над здравым смыслом, сопоставимым с трактовкой обращения к оракулу Аполлона в античные времена, что для еврея означало бы преступление, караемое смертной казнью, а для невежественного и заблудшего язычника – пустяковейший грешок.

Иллюстрацией сущности древнееврейской ведьмы и её запретной, преступной деятельности для тех, кто писал по данному вопросу, само собой разумеется, была беседа между Саулом и Аэндорской волшебницей, ибо это единственное конкретное и подробное изложение такого рода, встречающееся в Библии. Между прочим, этот факт доказывает, что колдовство как преступление (караемое смертью в случае обнаружения), встречалось весьма нечасто среди избранного народа, сталкивавшегося с весьма оригинальными проявлениями присутствия Всемогущего. И Писание, похоже, донесло до нас один-единственный факт (в первую очередь, поучительный по сути) беседы волшебницы с Царём Израильским. Нам сообщается, что Саул, будучи потрясён и обескуражен всеобщим предательством подданных, осознал собственное

⁶⁰ В западносемитской мифологии Ваал — одно из наиболее употребительных имён для богов конкретной местности или «родов деятельности». В иудейской традиции и в Ветхом Завете Ваал — «чужой», враждебный бог. — Прим. Т. Бородиной.

⁶¹ Синодальный перевод. — Прим. Т. Бородиной.

⁶² В православной Библии такого текста нет. — Прим. перев.

недостойное поведение, неблагодарное неповиновение по отношению к оскорблённому этим Господу, прежде сносившемуся с ним посредством пророков. По тщательном размышлении Саул решился, будучи в полном отчаянии, обратиться к предсказательнице, становясь тем самым соучастником преступления, которое по закону каралось смертью, причём подобные суровые приговоры выносились и самим Саулом. Писание далее сообщает нам, как царь направился к волшебнице, чтобы вызвать дух Самуила, после чего эта женщина воскликнула, что боги извлекли его из земли, а затем Саул пожелал, чтобы предсказательница подробнее описала призрак (которого он, соответственно, не видел), а она в ответ на это заявила, что это – фигура старца в мантии. В фигуре этой царь признал сходство с Самуилом, и, пав ниц, он услышал от призрака, вещающего языком пророка, грустное предсказание поражения и собственной смерти.

В этом описании имеется всё, чтобы со всей строгостью преподать нам моральный урок, и всё же мы остаёмся в неведении относительно деталей, касающихся самого призрака. Мы, скорее всего, обязаны считать это неоспоримым знаком ненужности нашего знакомства с ними. Невозможно, к примеру, установить досконально, присутствовал ли Саул при произнесении заклинаний пророчицей и видел ли он лично тот самый призрак, который ему описала пифия. Ещё большие сомнения связаны с тем, появлялось ли вообще нечто сверхъестественное или пифия со своим помощником прибегла к обычнейшему обману, воспользовавшись шансом предсказать царю, дух которого был сломлен, разгром и смерть, что в тех обстоятельствах, в которых он очутился, было весьма вероятным, поскольку его окружали превосходящие силы филистимлян, а характер его как воина делал вполне возможным то, что он не переживёт поражения, следствием которого станет потеря царства. С другой стороны, если допустить, что явление призрака носило сверхъестественный характер, всё равно непонятно, каков был его характер и какая сила вызвала его явление, весьма неприятное по сути, ибо, как подчёркивается, предполагаемый призрак Самуила спросил, для чего нарушили его покой. Неужели власть волшебницы над потусторонним миром была столь велика, что она, подобно Эрихто, описанной в стихах языческого поэта⁶³, могла тревожить сон праведника, да ещё столь значительного, как пророк Самуил. И смеем ли мы предположить, что он, на которого даже в обличье смертного сходил дух Господень, мог быть потревожен в могиле голосом презренной колдуньи по распоряжению государя-отступника? Неужели истинный Бог отказал бы Саулу в ответе при посредстве своих пророков, а волшебница сумела бы заставить подлинный дух Самуила дать ответ независимо ни от чего?

Вследствие столь неразрешимых затруднений был избран иной путь объяснений, который, снимая часть возражений, характерных для обоих крайних гипотез, порождал новые. Делалось предположение, будто в этот миг произошло нечто, подобное случившемуся с пророком Валаамом⁶⁴, что заставило его изменить прежним намерениям и произнести благословение вместо проклятия. Согласно этой гипотезе, Аэндорская волшебница⁶⁵ собиралась продемонстрировать на Сауле привычные фокусы и трюки, которыми она пользовалась, когда за её пророчествами обращались клиенты меньшего калибра. Иными словами, мы могли бы взять за основу предположение, что в те времена, когда законы природы не раз прекращали своё действие под влиянием неодолимой силы Божественного проявления, определённого рода

⁶³ Марк Анней Лукан (39–65 гг. н.э.) – древнеримский поэт, крупнейший эпик после Вергилия. В своей поэме «Фарсалия» рассказывает о фессалийской волшебнице Эрихто, которая воскрешала мёртвых и заставляла их предсказывать будущее. – Прим. Т. Бородиной.

⁶⁴ Валаам, Билеам – в иудейских преданиях иноплеменной маг и пророк, который по просьбе царя моавитян согласился произнести заклинание против иудеев и, несмотря на Божественное воскрешение, отправился в Иерусалим. По пути ослица Валаама увидела незримого для мага ангела и на мгновение обрела дар речи, чтобы предупредить хозяина о воле Бога. В Иерусалиме Валаам вместо проклятия произнес благословение, т. е. стал пророком Яхве (Чис., 22–24). – Прим. Т. Бородиной.

⁶⁵ Аэндорская волшебница – персонаж Ветхого Завета, колдунья из Аэндора, вызвавшая по просьбе царя Саула накануне решающей битвы дух покойного пророка Самуила для предсказания судьбы. – Прим. Т. Бородиной.

фокусы были допустимы при сношениях между смертными и духами низшего порядка; в таком случае допустимо предположение, что эта женщина действительно надеялась вызвать некое сверхъестественное существо. Но такого рода разрешение ситуации во втором варианте предполагает, что воля Всемогущего в данном конкретном случае оказалась подменена фантазматической по заказу пророчицы, то есть духом Самуила в его земном обличье. Однако читатель может найти гораздо более вероятным, что это было некое порождение добра и что некий посланец Божественного соизволения в обличье покойного пророка, к превеликому удивлению самой пифии, подменил своим образом мошеннический фарс, который она затеяла учинить, глубочайшей трагедией, проникшей прямо в сердце закоренелого тирана и ставшей грозным уроком на будущее.

У такого рода толкования есть одно преимущество: оно позволяет объяснить удивление волшебницы при виде неожиданных последствий собственных заклинаний, а также снимает возражение, связанное с тем, как мог дух Самуила поддаться её чарам. Правда, это не слишком вяжется с жалобой Самуила на то, что его *потревожили*, ибо ни пророк, ни добрый ангел в его обличье не мог бы пожаловаться на явление в форме видения, свершившееся во исполнение непосредственно выраженной воли Господней. Но если, однако, фраза эта должна быть понята не как ропот против соизволения Провидения, а как упрёк бывшему другу пророка Саулу в том, что его грехи и неудачи, ставшие причиной появления Самуила, и были поводом удаления пророка из пространства райского покоя на грешную землю, где обитают несчастья, преступления и неудачи, тогда эти слова в свете подобного толкования приобретают тот самый смысл, который и соответствует жалобе праведника, оторванного от мира совершенства, или доброго, благосклонного ангела, воплотившего в себя его духовную сущность. Следует отметить, что в книге Екклесиаста (глава 46, стихи 19 и 20⁶⁶) берётся за основу факт истинного появления Самуила, ибо, как там сказано, этот преданный Господу человек *«пророчествовал и после смерти, указав царю его истинный конец»*.

Если предоставить дальнейшее обсуждение столь тёмного и трудного вопроса тем, чья учёность достаточна, чтобы вынести суждение по поводу столь неясного предмета, всё равно становится ясно, что Аэндорская волшебница не принадлежит к числу тех существ, которые, как полагали наши предки, способны превращать себя и других в животных низшего порядка, вызывать и умирять бури, пребывать в обществе злых духов и наслаждаться их кознями, а также по их совету и при их содействии губить человеческие жизни и уничтожать плоды земные и вдобавок устраивать фокусы такого масштаба, чтобы изменять лицо природы. Аэндорская волшебница была всего лишь гадалкой-предсказательницей, к которой, отчаявшись получить помощь или просто ответ от Всевышнего, обратился несчастный Царь Израильский и от которой тем или иным путём он получил во всей своей ужасной определённости сведения о неминуемом поражении и предстоящей смерти. Да, конечно, она заслуживала смертной кары за то, что самовольно брала на себя роль истинных пророков, посредством которых время от времени сообщалась воля Господня. Но само её существование и её преступления ни в коей мере не являются доказательством того, будто бы в более близкие нам времена злостно действовали и другие колдуньи весьма малопривлекательного характера, были они или нет, и вправду ли чинили зло – всё же нужно ещё доказать, прежде чем выносить судебный вердикт по этому поводу.

Независимо от осмысления иных попадающихся в тексте Ветхого Завета фрагментов, нельзя утверждать, будто бы в любом из разделов Священного Писания может найтись признание системы колдовства, аналогичной той, которая упоминалась в юридических сборниках многих европейских стран и каралась столь суровыми наказаниями. В ещё меньшей степени такую систему можно обнаружить в рамках христианских законов, то есть того свода, благо-

⁶⁶ В православной Библии этого текста нет. – Прим. перев.

даря которому счастливо и чудесно свершилось освобождение просвещенного человечества от законов левитов⁶⁷. Само по себе подобное преступление предположительно исходит из взаимосвязи почтительного поклонения дьяволу-покровителю со стороны колдуньи, заключившей фатальный договор, и ответного покровительства, поддержки и содействия со стороны дьявола. Ни в одном из Евангелий слово «колдунья» в каком бы то ни было смысле не употребляется ни разу; а если бы возможность столь огромного прегрешения действительно существовала, то о ней бы обязательно предупредило Божественное Порождение, призванное принять на себя все грехи мира. Да, конечно, святой Павел упоминает грех стремления к знамениям и ложным чудесам, проклиная его как более значимый по сравнению с неблагодарностью; а плотские прегрешения он ставит сразу же после идолопоклонства, и такая последовательность представления отдельных грехов заставляет нас поверить, что сотворение ложных чудес, упоминаемое апостолом, должно быть аналогично подобным явлениям из Ветхого Завета и равно обращению к гадалкам и иным представителям запретных искусств с целью обрести знание будущего. Среди преступников, которым нет места в граде Господнем, в книге откровений Иоанна Богослова упоминаются и чародеи. И вот, ссылаясь на эти случайные упоминания, доказывающие лишь существование некоего отклонения от Закона, но не уточняющие его истинной сути, авторы книг о колдовстве пытаются на основе Нового Завета доказать саму возможность существования столь отвратительно невероятного преступления. Ни деяния Елимаса⁶⁸, ни свершения Симона, прозванного Магом или Волхвом⁶⁹, не делают их как-то выше простых самозванцев, выдвигающих достойные осмеяния претензии мистического характера на обладание сверхъестественной властью, соперничающей с теми, кому она была дарована для распространения Священного Писания, ибо его восприятие облегчалось демонстрацией подлинных чудес. Ясно, что в своей недостойной и унижительной попытке обрести за деньги частицу могущества, напрямую внушаемого боговдохновением, Симон Волхв выказал до того откровенное и низменное невежество, что оно оказалось несовместимым даже с интеллектом умелого фокусника. И совершенно ясно, что человек, который бы принадлежал к сонму вассалов ада – назовём его так, – лучше бы осознавал своё истинное положение и возможности по сравнению с апостольскими и не делал бы столь бесплодного и невыгодного для себя предложения, путём которого он лишь явил на посмеище свою заносчивость и невежество.

Этим наблюдением мы завершим наши краткие замечания по поводу колдовства в том виде, в каком оно упоминается в Священном Писании. Теперь остаётся лишь поговорить о сущности *демонологии*, которая, если основываться на преисполненных святости книгах, является непреложной истиной для каждого верующего христианина.

И в первую очередь, никто не способен правильно читать Библию или именовать себя христианином, если он не верит, что в продолжение времени, о котором повествуют авторы Божественного откровения, Господь, чтобы укрепить веру евреев и побороть гордость язычников, произвёл на земле множество чудес, прибегая либо к посредству добрых духов, явившихся орудием Его благоволения, либо падших ангелов, дозволенных носителей такого зла, которое по Его воле должно было быть ниспослано на сыновей человеческих, дабы те испытывали намеченные Господом страдания. Эта гипотеза, конечно, базируется на истинности чудес давней поры, посредством которых были временно отменены законы природы, и на признании

⁶⁷ По Библии, левиты – потомственное священство иудеев. Храмовое священство по традиции ограничивалось кругом левитов, являвшихся прямыми потомками Аарона. В священные обязанности левитов входило служение Яхве, истолкование пророчеств, совершение всесожжений (жертвоприношений) и обучение народа закону Яхве (Втор., 33:10). Под законом Левита подразумевается так называемый кодекс святости, изложенный в Книге Левит (17–26). – Прим. Т. Бородиной.

⁶⁸ В Новом Завете Елимас (Елима) – языческий колдун и пророк, персонаж книги Деяний апостолов, состоявший при проконсуле Кипра Сергии Павле во времена императора Клавдия (I век н. э.), восставший против христиан и побеждённый апостолом Павлом. (Деян., 13: 8–11) – Прим. Т. Бородиной.

⁶⁹ Философ и чародей, упомянутый в деяниях апостолов, возможно, из среды эллинизированных иудеев (Деян. 8:9-24, синодальный перевод). – Прим. Т. Бородиной.

существования мира духов, подразделяемых на ангелов и дьяволов, совокупно проявляющих свои возможности в соответствии с предопределением Правителя мироздания.

Во-вторых, по мнению ученых мудрецов, о чём велось множество споров, языческие идола были на самом деле дьяволами, и, точнее, враги рода человеческого обладали властью принимать форму и обличье этих бессильных божеств и в какой-то степени утверждать веру поклоняющихся им путем демонстрации видимости чудес, а также сообщать при посредстве жрецов и их оракулов ответы на вопросы обращающихся к ним заблудших людей, которые можно «трактовать в двойном смысле». Большинство отцов Церкви придерживалось именно такого мнения. Эта доктрина имела то преимущество, что до какой-то степени подтверждала истинность чудес, свидетельства которым имеются в языческой или классической истории и которые, таким образом, приписывались посредству злых духов. Она также соответствовала тем текстам Священного Писания, где объявлялось, что все языческие боги – это дьяволы и злые духи; и где идола египетские, как в книге пророка Исаии, глава 19, стих 271⁷⁰, ставятся в один ряд с чародеями, вызывающими мёртвых, и гадалками. Но что бы ни было гипотетически дозволено злым духам того времени – тем более очевидно, что у людей был целый рой божеств, которые откровенно персонифицировали явные человеческие пороки. Из-за этого жертвоприношения Венере, Вакху, Марсу и т.д. можно в определённом смысле рассматривать как почитание злых духов. Однако мы не можем, исходя из здравого смысла, предположить, будто не только каждый, но даже один из тысячи бесконечного числа почитаемых язычниками идола был наделён сверхъестественной силой. Ясно, что значительное их количество, согласно другому тексту Писания, уподоблялось не той части дерева, употреблённой на то, чтобы человеку в доме было тепло, а другой – из которой делают бога и поклоняются ему. Этот потрясающий отрывок, где сводятся воедино бессилие бесчувственного куска дерева и тупое невежество человека, делающее объектом поклонения творение собственных рук, взят из книги Пророка Исаии, глава 44, стих 10 и последующие. Точная фразировка текста, а также здравый смысл не позволяют нам верить, будто бы идола, сделанные ремесленниками, становятся обиталищем или временным пристанищем демонов и способны проявлять сверхъестественные силу и могущество. Вся система сомнений, намёков и фокусов, демонстрируемая оракулами, напоминает скорее обычные трюки мошенников, а не дерзновенное вмешательство демонов. Независимо от того, какую степень могущества дозволено изредка демонстрировать ложным богам языческого царства или так называемым демонам, она, несомненно, отмерялась и контролировалась Провидением; и хотя, с одной стороны, мы не можем отрицать возможности подобного небесного предопределения в неизвестных нам случаях, с другой же стороны, очевидно, что в Писании ни разу не упоминается для нашего сведения какое-либо конкретное проявление такого попустительства свыше.

В-третьих, поскольку отступники среди евреев неоднократно впадали в поклонение идолам соседних языческих народов, они также обращались к помощи чар и заклинаний, в которых угадывался их же искажённый ритуал левитов. Они пытались путём колдовства, как Терафим, или путём наблюдения за полётом птиц, как древнеримские авгуры, подобно Уриму и Туммиму, установить, есть ли возможность проникнуть в сокровенное от их взоров будущее окольным путем⁷²⁷¹. Но по той же причине, что не позволяет нам прийти к какому-то мнению относительно степени дозволенности дьяволу и его посланцам воплощать в жизнь моления языческим богам, мы также не рискуем с уверенностью заявить, могло ли Высшее Провидение, контролируя почитание этих самых злых духов, беспрепятственно позволять им столь грешную деятельность среди самих евреев. Мы, тем не менее, черпаем из Священного Писания

⁷⁰ Ср.: в синодальном переводе: «И дух Египта изнеможет в нём, и разрушу совет его, и прибегнут они к идолам и к чародеям, и к вызывающим мёртвых, и к гадалкам» (Исаии, 19:3). – Прим. Т. Бородиной.

⁷¹ Гадание на внутренностях жертвенных животных и предсказание будущего по полётам птиц были широко распространены как на Ближнем Востоке, так и в европейской части Средиземноморья. – Прим. Т. Бородиной.

уверенность в том, что обет, данный Господом избранному народу на тот случай, если он будет себя вести в соответствии с данным им Законом, заключался в том, что расширятся сношения с миром невидимого, что сам Он, не считаясь со временем, наделит всякую плоть частицей своего духа, и тогда сыновья и дочери избранного народа смогут пророчествовать, старикам даны будут видения, а молодые смогут видеть сны. Таковы были обеты, переданные израильтянам Иоэлем, Иезекиелем и другими святыми пророками⁷², по поводу чего святой Пётр во второй главе Деяний Апостолов приветствует исполнение миссии нашего Спасителя⁷³. А с другой стороны, не менее очевидно и то, что Всемогуший, чтобы покарать евреев за неповиновение, оставил их наедине со своими заблуждениями и предоставил им страдать из-за их доверия к лживым оракулам, к которым они обратились в явное нарушение заповедей Его. Отсюда – потрясающий рассказ о том, как Господь наказал Ахава⁷⁴, оставив его наедине с судьбой и предав страданиям из-за обмана лживого духа-прорицателя.

В-четвёртых, и с другой стороны, если мы воздержимся со всем положенным уважением от того, чтобы считать себя судьями деяний Божественного Всемогушества, то можем со всей уверенностью утверждать, что в соизволение Его не входило пользоваться во исполнение суда Его последствиями союза или связи между дьяволами и заблудшими смертными, что и определялось в законах наших предков как *колдовство*. А вкладывалось в это слово вряд ли большее, чем способность прибегать к ядам в сочетании с искусством пифии или ложной пророчицы. Преступление это, однако, по древнееврейскому закону каралось смертной казнью, ибо в первую очередь предполагало закоренелую враждебность к человечеству, а во-вторую – прямое предательство по отношению к Божественному Законодателю. В книге Товита есть текст, скорее напоминающий отрывок из арабской сказки или готического романа, а не боговдохновенное писание. В этом отрывке запах от помещённой в курильницу рыбной печени обладает силой изгнать демона, стерегущего брачную комнату ассирийской принцессы и задушившего подряд семерых женихов, как только они подходили к брачному ложу. Однако сказочно-романтическая окраска легенды заставила отцов всех протестантских церквей отрицать её принадлежность к писаниям Божественного происхождения, и потому мы можем позволить себе не вступать в дискуссию на основании столь несовершенного свидетельства.

И, наконец, принимая во внимание бессчётные перемены, свершившиеся с Пришествия нашего Спасителя и объявления им своего Закона, мы могли бы отметить, что, согласно мнению множества учёных мудрецов, само его появление на земле даже до завершения возложенной на него миссии подействовало как полное отвержение языческих божеств, до того терпимых в качестве оракулов и до какой-то степени слепо подражавших атрибутам Божества. В «Потерянном Рае» Мильтон, будучи убеждён в собственной правоте, развивает теорию, согласно которой последователи Сатаны и есть языческие боги; и при помощи несравненного даже на фоне других собственных произведений поэтического языка описывает следующим образом в одном из своих ранних произведений уход этих самозванных божеств накануне благословенного Рождества:

Оракулы молчат,

⁷² Библейские пророки, «авторы» девятнадцати книг Ветхого Завета – от книги пророка Исаии до книги пророка Малахии. – Прим. Т. Бородиной.

⁷³ Ср. в синодальном переводе: «Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим апостолам: “Что нам делать, мужи братия”? Пётр же сказал им: “Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш”. И другими многими словами он свидетельствовал и увещевал, говоря: “Спасайтесь от рода сего развращённого”. И так охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трёх тысяч» (Деян., 2: 37—39, 40). – Прим. Т. Бородиной.

⁷⁴ В Библии (синодальный перевод), Ахав – царь Израиля, «отложившийся» от Яхве. См. 3 Цар., 16:29–33 и 3 Цар., 21:16–22 (Синодальный перевод). – Прим. Т. Бородиной.

*И вновь не зазвучат
Слова лукавы в капище великом.
Се Аполлон свой храм
Спешит покинуть сам,
Дельф огласив нечеловечьим криком.
И жрец с белёсыми очами
Уже не будет впредь здесь ворожить ночами.
И слышат склоны гор –
Не волн и ветра спор –
Плач безутешный, жалоб звук унылый.
Священных вод исток
И тополь одинок
Бросает гений места боязливый.
И нимфы, в тёмных рощах скрыты,
Рвут на себе власы, цветами перевиты.
Средь урн и алтарей –
Полночных сов страшной –
Слышны стенанья: лары и лемуры,
Тревожась в этот час,
Свой поднимают глас,
И, бдения прервав, дрожат авгуры.
Кумиров мраморных вот-вот
Не хуже смертных пот холодный прошибёт.
Ваал и с ним Пеор
Забыты с этих пор.
Дагона и того алтарь простыл.
Астарта лунорога –
Царица, «мать бога» –
Не восседает в капище светил.
Аммон не кажет гордый рог.
Таммуз напрасно кровью новою истёк.
Гоним тревожной думой,
Бежал Молох угрюмый –
Се идол, догорая, почернел.
Напрасно хор цимбал
Кумира вызывал.
Алтарный огонь углями голубел.
И – Нила царственного слава –
Бегут Изиды, Гор, Анубис пёсьеглавый.⁷⁶⁷⁵*

Цитата оказалась длинной, но вряд ли возможно сократить её – до того красиво и занимательно описание языческих божеств, будь то в классических формах Греции, в устрашающих очертаниях варварских идолов или в виде иероглифических гиперболических египетской мифологии. Идея отождествления языческих богов, особенно самых известных, с олицетворением демонической силы и вывод, заключающийся в том, что приход нашего Спасителя принудил их к молчанию, столь благородно выраженные в поэзии Мильтона, не могут быть отвергнуты просто так. Они подкреплены прозой авторитетов не меньшего веса; и в них не содержится

⁷⁵ Мильтон Дж. На утро Рождества Христова/ Пер. Т. Стамовой. – Прим. перев.

ничего несовместимого с верой тех, кто полагает, будто в древние времена дьяволам и демонам было дозволено в большей степени проявлять свою власть в форме прорицания. Отсюда может быть выведена гипотеза, предполагающая, что Пришествие Господне ограничило эту силу, заставило умолкнуть оракулов, а те демоны, которые делали вид, будто являются божеством данного края, были изгнаны из своих земных убежищ, где до того пребывали как навещающие ужас гости.

Следует, однако, отметить, что это великое событие не оказало соответствующего воздействия на тот конкретный разряд злых духов, которым было позволено сводить смертных с пути истинного посредством поражения их разума и изменения личности, – такое состояние стали определять как «демоническая одержимость». В каком именно смысле нам следует понимать слово «одержимость», установить невозможно: но мы ощущаем невозможность сомнений в том, что (независимо от противоположных утверждений авторитетных учёных) эта бесноватость является страшным расстройством отнюдь не естественного порядка. Можно быть целиком и полностью уверенными в том, что эта болезнь существовала и после Земного Воплощения нашего Спасителя, поскольку чудеса, совершённые Им и его апостолами по излечению страдающих таким недугом, дали самые непосредственные доказательства Его божественной миссии, исходившие даже непосредственно из уст изгнанных бесов, самых злонамеренных врагов той самой силы, которой они осмеливались отказывать в уважении и повиновении. И это является дополнительным доводом в пользу того, что колдовство в его повседневно-обыденном смысле было в те времена неизвестно. Хотя случаи одержимости бесами постоянно упоминаются в Евангелиях и Деяниях апостолов, но там было не описано ни единого случая, когда бы эти изгнанные бесы олицетворяли колдуна или ведьму или находились бы под властью подобных лиц, овладевая жертвой и подвергая её мучениям. Между тем в значительной части печальных случаев колдовства, которыми изобилуют хроники более поздних времён, основой доказательств являются заявления одержимых или живущих внутри их демонов по поводу того, что некий старик или старуха, обитающие по соседству, принудили беса быть орудием зла.

Следует также признать, что в одном весьма примечательном отношении власть Врага рода человеческого скорее увеличилась, чем была ограничена или сужена после того, как Спаситель явился на землю. Бесспорно то, что Иисус, желая испытать все виды соблазна и козней со стороны носителей зла, унаследованные падшей расой Адама, лично подвергся искушениям в пустыне со стороны Сатаны, которого он, не прибегая к Божественной силе, изгнал с глаз своих, посрамлённого, пристыженного и принуждённого умолкнуть. Но, по-видимому, хотя Сатане и была дана возможность по столь замечательному поводу явиться на земле, обладая огромной властью, такое разрешение было дано как раз потому, что время его было сочтено.

Неограниченная власть, предоставленная ему в столь исключительном случае, вскоре исчерпала себя и была строго ограничена. Период, в течение которого Всевышнему было угодно укрепить Свою Церковь посредством чудесной демонстрации собственного могущества, окончился, и, само собой, несовместимо с Его добротой и мудростью было бы оставить в распоряжении противника привилегию сводить людей с пути истинного воображаемыми чудесами. Ведь тем самым искусно подрывалась бы вера, которая более не могла быть подкреплена чудесами истинными. Осмелимся сказать, что имела бы место потрясающая непоследовательность, предположи мы хоть на миг, что демоническим влияниям был бы дан свободный ход. Ложные и обманные пророчества или предсказания вводили бы в заблуждение человеческие органы чувств, туманили умы и подрывали веру. А истинная религия была бы оставлена её Великим Творцом безо всяких сверхъестественных знаков и знамений – хотя именно последние во времена её Основателя и непосредственных Его учеников подкрепляли и славили их неоценимую миссию. Такого рода попустительство со стороны Верховного Существа было бы (говоря об этом со всем почтением) предательством избранного народа, вырванного

такой ценой из лап Врага рода человеческого, от чего можно было бы ожидать самых худших зол. Несовместимо это было бы и со знаменитым обетом из Священного Писания, гласящим: «Бог... не попустит вам быть искушаемыми сверх сил»⁷⁷ (Первое послание к Коринфянам, глава 10, стих 13). Отцы Церкви не нашли точного согласного ответа, в какие именно времена Церковь лишилась чудотворной силы. Однако некоторые из протестантов склонны относить это ко времени восшествия Константина⁷⁸ на престол, когда христианская вера утвердилась в своём главенстве и превосходстве. Римские католики, однако, храбро утверждают, что сила чудодейственного вмешательства в дела природы сохраняется у церкви до сих пор; но просвещённые лица, придерживающиеся этой веры, хотя и не смеют отрицать основополагающее её утверждение, вряд ли сумеют дать ссылку на какой-либо конкретный случай, показательный в достаточной степени, чтобы разбить недоверие братьев-протестантов. В равной степени несовместимо со здравым смыслом утверждение, будто бы врагам рода человеческого позволено творить чудеса, когда Небеса более к ним не прибегают и во имя религии таковые более не совершаются.

Следует отметить, что мы не стремились задать пределы возможности постановки подобного вопроса. Для нас нет необходимости точно определять, до какой степени Сатана был волен проявлять свою власть во времена действия еврейского Закона или в какой конкретно период истории христианской церкви она положила конец демонической одержимости, а также когда конкретно она совершала демонстрации чудес. Мы не вдавались в противоречия, связанные с этой темой, поскольку при этом встают вопросы не только сомнительные, но и бесполезные. Не многого можно было бы добиться, если бы имелось в наличии точное знание, каким именно образом заблудшие евреи прибегали к запрещенному законом чародейству или следили за полётом птиц. После завоевания и рассеяния они обращали на себя внимание римлян тем, что прибегали к этим суеверным ритуалам, и не исключено, что до нынешней поры это бытует среди невежественных представителей бродячей расы. Но все эти проблемы с точки зрения предпринятого здесь исследования представляются побочными, нашей же целью является установить, действительно ли из Священной Истории можно извлечь истинные доказательства давнего существования той ветви демонологии, которая в сравнительно недавние времена была предметом уголовного расследования и каралась смертной казнью. Мы уже упоминали это в связи с колдовским договором, когда, если исходить из понимания, принятого в Средние века, демон с одной стороны и ведьма или колдун с другой стороны соединяли свои усилия, чтобы причинять зло тому или иному лицу и его имуществу. Они могли нанести ущерб состоянию и доброму имени, навлекать на невинных человеческих существ самые страшные болезни, а то и смерть, если им вдруг того захочется. Могли также по собственной прихоти сами принимать иной облик и делать то же с другими. В их силах было вызывать бури, губящие урожай врагов на полях или разносящие вдребезги их житницы. Им ничего не стоило испортить или присвоить надоенное молоко. Ещё одно удовольствие – распространять смертоносные поветрия среди скота, заражать и умерщвлять детей. Иными словами, они стремились приносить как можно больше зла, какое сердце человеческое не способно вместить и осознать, с применением сверхъестественных средств. Если предположить, что подобные извращённые союзы действительно существовали и что находились люди, которые тешились несчастьями, жесточайшим образом поражающими соперников, то тогда законы, отторгающие этих презренных рабов адских духов всех и всяческих христианских общин, были справедливы. Но ещё

⁷⁶ Ср. в синодальном переводе: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести». (1 Кор., 10:13). – Прим. Т. Бородиной.

⁷⁷ Константин I Великий (ок. 285–337) — римский император, в правление которого на христианские церкви были распространены привилегии языческих храмов и разрешены вклады в церковь. Церковная традиция называет Константина равноапостольным и связывает с ним переход от преследования новой религии к покровительству ей. – Прим. Т. Бородиной.

более справедливым и разумным представляется следующее соображение: прежде чем наложить наказание за какое-либо преступление, надо доказать, что такое преступление вообще возможно. А значит, мы сделали по ходу нашего исследования важный шаг, когда установили, что ветхозаветная *ведьма* была не в состоянии совершить что-либо, кроме применения опасных снадобий или демонстрации обманных фокусов. Иными словами, эта личность не имела ничего общего с так называемыми современными колдуньями. Таким образом снимается как аргумент столь существенное возражение, будто бы путём отрицания возможности колдовства мы также отрицаем возможность совершения преступления, каравшегося смертной казнью по Закону Моисееву. Теперь мы целиком и полностью вольны придерживаться мнения, что современная система колдовства представляет собой часть, и весьма значительную, сонма ошибок, охвативших множество приверженцев христианской церкви, когда религия, будучи извращена сознательными действиями отдельных людей и вульгаризирована теми народами, среди которых она распространилась, стала не только светочем, каким она не переставала быть, но и носителем тёмных пятен – пережитков языческого невежества, которое и призвано было рассеять её Божественный Основатель.

В дальнейшем мы попытаемся по ходу изложения показать, что многие из широко распространённых представлений касательно магии и колдовства напрямую проистекают из понимания этих предметов древними язычниками, что и составляло часть их верований. И потому они находили опору в принципах, глубоко заложенных в сердцах и умах человеческих во все времена; ибо стремление так или иначе предугадать будущее всегда было свойственно людям, хотя для этого и пришлось бы прибегнуть к помощи сверхъестественных сил. Более того, вполне возможно, что конкретные рассказы упомянутого нами характера могли в непросвещённые времена казаться неоспоримыми, зато в наш более просвещённый век им найдется вполне удовлетворительное объяснение: можно сослаться на возбуждённое состояние свидетелей или на влияния отклонений, связанных с нарушениями умственной деятельности или неполнотой сведений, полученных от органов чувств. Однако в подобные истории верили повсеместно и безоговорочно; и церковники, либо сознательно кривя душой, либо в силу невежества, поощряли распространение суеверного вымысла, тем самым усиливая наивысшим образом своё собственное влияние на умы людей.

Перейдём от античных язычников к магометанам, вера которых представляет собой абсолютное единобожие, но которые считаются почитателями злых духов, предположительно помогающих им в постоянной борьбе с христианством, а также оказывающих им содействие и покровительство в Святой Земле, где их пребывание являлось вызовом и оскорблением почитателей святынь. Романы и даже исторические труды соперничали друг с другом, представляя всех, кто находился за пределами Церкви, личными слугами Сатаны, открыто правившего ими и использовавшего их как орудие обмана. Так что, по мнению западных крестоносцев, Махонд, Термагаунт и Аполлион⁷⁸ были лишь одними из многочисленных имён Архиврага рода человеческого и его главных прислужников. Грандиозные вымыслы, приходившие из дальних стран и принимавшиеся на веру всем христианским миром, свидетельствовали о том, что туркам и сарацинам открыто помогали сверхъестественные силы при посредстве злых духов. Другие сведения столь же сказочного характера весьма вольно приписывали христианам вероятные возможности защиты благодаря прямому покровительству благословенных святых, ангелов и праведников во плоти, уже при жизни осенённых благодатью и наделённых способностью творить чудеса.

⁷⁸ Махонд, Термагаунт и Аполлион – европейская литература Средневековья эти имена упоминает в контексте описания мусульманских божеств, часто называя мусульман язычниками и изображая их поклоняющимися Мухаммеду, различным идолам, а иногда и другим божествам. В некоторых произведениях Махонд, Термагаунт и Аполлион были объединены в «нечестивую троицу». – Прим. Т. Бородиной.

Для того чтобы показать исключительное распространение подобных легенд, мы приведём пример из романа «Ричард Львиное Сердце». Отметим, что книга эта, как и прочие произведения подобного рода, написана в стиле будто бы подлинного исторического повествования, как понимал его автор. И следовательно, роман был предложен читателям и слушателям не как художественный вымысел, но как истинное изложение фактов. Эта легенда показывает, что именно в те времена считалось достоверным и во что люди были предрасположены верить, как если бы эти сведения были почерпнуты из беспристрастных хроник.

Там рассказывается, как знаменитый Саладин⁷⁹ направил посольство к королю Ричарду⁸⁰ и послал ему в подарок жеребёнка, по его словам – «боевого коня». Он вызвал короля на поединок в присутствии обеих армий, чтобы в единоборстве разобраться окончательно, кому принадлежит Палестина, а также решить раз и навсегда, что Бог христиан или Юпитер⁸¹, божество сарацин, будет объектом поклонения подданными обоих монархов. Под этим казалось бы рыцарским вызовом была скрыта далеко нерыцарская хитрость, которую мы бы могли одновременно назвать весьма неловким фокусом с участием дьявола. Один сарацинский писец колдовством обратил двух дьяволов в кобылу и её жеребёнка и ещё произнёс заклятие, согласно которому стоило кобыле заржать, как жеребёнок, необычайно большой по размеру, должен встать на колени и сосать свою матку. Этот заколдованный жеребёнок и был направлен королю Ричарду в надежде, что тот, повинуясь, как обычно, сигналу матери, даст Саладину, сражавшемуся на кобыле, несомненное преимущество.

Однако английский король был во сне предупреждён ангелом об этом замысле, и жеребёнок с благословения небес ещё до начала битвы был зачат священным именем и приведён к повиновению всаднику на всё время битвы. Животное, прежде одержимое врагом рода человеческого, кивнуло в знак подчинения, но всё-таки из предосторожности уши коня залили воском. И вот тогда Ричард, имея на оружии и доспехах разнообразные знаки своей веры, поехал на встречу с Саладином. Султан, уверенный в успехе замысла, храбро вступил в бой. Кобыла ржала так громко, что на много миль кругом сотрясалась земля, но дьявол-сосунок, которому воск мешал услышать призыв, не смог повиноваться сигналу. Саладин был выбит из седла и едва избежал смерти, а армия его была наголову разгромлена христианами. Такого рода неуклюжая сказочка, где над демоном одержали верх при помощи ловкого трюка, не обманет сегодня даже рядового жокея. Но наших предков подобные легенды забавляли и развлекали, ибо их вера в существование демонов на Святой Земле недалеко ушла от смысла заглавия одной из пьес Бена Джонсона: «Дьявол-осёл»⁸².

Одна из самых ранних печатных географических карт⁸³, появившихся в Риме в XVI веке, исходила из подобной же веры в наличие связи между языческими народами Северной Европы и демонами из мира духов. Там, где были обозначены Эстония, Литва, Курляндия и

⁷⁹ Саладин – упрощённая транслитерация имени султана Египта и Сирии Салах-эд-Дина Юсуфа Ибн-Сайюба (1137–1193). Для Вальтера Скотта приводимый рассказ важен не только как иллюстративный материал по теме изложения, но и как демонстрация определённых предрассудков, ибо традиционно Саладин выступал в легендах в роли «благородного противника». – Прим. перев.

⁸⁰ Король Ричард – это и есть Ричард I Львиное Сердце (правил 1189–1199), именем которого назван роман, упомянутый автором. Личность Ричарда представляла для самого Вальтера Скотта огромный интерес как в историческом, так и в художественном плане, вспомним хотя бы, как он показан в широко известном романе «Айвенго». – Прим. перев.

⁸¹ Здесь имеет место неоднократно отмечавшийся Вальтером Скоттом и весьма характерный для Средневековья перенос функций античных божеств, превращаемых в демонов и включаемых в нехристианские системы религий, в том числе, как видно из приводимого примера, монотеистические. – Прим. перев.

⁸² Бен Джонсон (1572–1637) – английский драматург, современник Шекспира, инициатор знаменитой «войны театров». Комедия «Дьявол-осёл» (1616) была принята публикой настолько прохладно, что прошло целых девять лет, прежде чем появилась новая пьеса Джонсона. – Прим. Т. Бородиной.

⁸³ Карта, о которой идёт речь, является факсимильным воспроизведением старинной планисферы, выгравированной в бронзе в конце XV века и носящей имя «Таблицы Борджа» по имени её обладателя, кардинала Стефано Борджа. В настоящее время хранится в музее в Велетри. – Прим. к изданию 1885 г.

прочие подобные края, карта, предположительно из-за недостатка точных сведений об этих землях, изображала в виде врезок картинки, на которых местные жители в меховых одеждах поклоняются демонам в их капищах, те же открыто предстают перед молящимися. На других картинках изображены сцены битв местных жителей с рыцарями Тевтонского ордена или иные события военного характера, связанные с обращением в христианство или изгнанием язычников. Там среди неверных, вооружённых кривыми саблями и одетых в кафтаны, нарисованы и помогающие им дьяволы, причём по всем правилам тогдашнего портретного искусства: с раздвоенным или, как говорят немцы, лошадиным копытом, крыльями летучей мыши, глазами, как блюдце, прядями волос, напоминающими змей, и хвостом, как у дракона. Раздвоенное копыто является атрибутом Пана⁸⁴, чей талант внушать ужас породил слово «паника», змеиные пряди заимствованы со щита Минервы⁸⁵, и лишь хвост дракона хоть как-то связан со Священным писанием.

Прочие языческие народы, чью веру трудно было напрямую связать с демонологической системой, поскольку их образ жизни и даже сам факт их существования не были известны до самого момента их открытия, тоже по мере знакомства с ними европейцев обвинялись в колдовстве и почитании демонов. В этом считались повинны в Средние века язычники Северной Европы и магометане Востока. Мы узнали от одного португальского путешественника⁸⁶, что даже местные христиане (крещённые ещё святым Фомой), обнаруженные автором в Индии, первоначально попали под подозрение, как имеющие сношения с дьяволом. Поначалу тщетными были усилия священника одной из местных церквей представить португальским солдатам и офицерам образ Богородицы и призвать их, как добрых христиан, оказать честь Святой Деве. Но скульптор, по-видимому, не был слишком силён в своём искусстве, и изготовленная им уродливая форма действительно скорее напоминала обитателя ада, чем Пресвятую Деву, так что один из офицеров-европейцев, вставший наконец на колени, подобно своим товарищам, громко воскликнул, что, даже если это и изображение дьявола, он всё равно возносит молитву Святой Деве.

В Южной Америке испанцы санкционировали невероятные жестокости по отношению к несчастным туземцам, утверждая во всех отчётах по открытым ими и покорённым землям, что индейцы, будучи идолопоклонниками, пользовались благосклонностью демонов и состояли с ними в прямой связи и что их жрецы проповедовали доктрины и совершали ритуалы самого мерзкого и отвратительного для христиан характера. Да, великий мексиканский бог-змея⁸⁷ и прочие идола, которым приносились человеческие жертвы и которые купались в крови пленников, делали весьма вероятными подобные обвинения; и даже если сами изображения не были вместилищем злых духов, форма поклонения им со стороны мексиканцев была сопряжена с такой немислимой жестокостью, была связана с такими мрачными суевериями, что нетрудно было поверить, будто смертным это было нашептано при посредстве посланцев ада.

Даже в Северной Америке первые поселенцы в Новой Англии и других частях бескрайнего континента единодушно сходились на том, что местные жители имеют непосредственные сношения с Сатаной. Вряд ли есть необходимость подчёркивать, что это мнение было целиком

⁸⁴ Будучи, согласно древнегреческой мифологии, богом лесов и рощ, Пан обладал также свойством своим криком обращать в бегство воинов и потому в ряде местностей Древней Греции почитался как «помощник в битве». — Прим. перев.

⁸⁵ Один из случаев помещения Вальтером Скоттом в одном контексте греческих и римских наименований античных божеств: с упомянутым выше Паном (греч.) соседствует Минерва (лат.), то есть, в греческом пантеоне Афина, богиня неба, мудрости и плодородия, чей щит («эгида») был украшен головой Медузы Горгоны с волосами-змеями. — Прим. перев.

⁸⁶ Речь о Васко да Гама (da Gama, 1469–1524), португальском мореплавателе, завершившем поиски морского пути из Европы в Индию. Он оставил записки об этом путешествии, на которые и ссылается В. Скотт. — Прим. Т. Бородин.

⁸⁷ Имеется в виду Кецалькоатль — бог-творец мира, владыка стихий, покровитель мудрости в мифологии индейцев Центральной Америки. Обычно этого бога изображали в виде бородатого человека в маске или в образе пернатого змея; само его имя означает «змея, покрытый зелёными перьями». Когда в 1519 г. испанский конкистадор Эрнан Кортес высадился на побережье Мексики, ацтеки из-за бороды приняли его за Кецалькоатля. — Прим. Т. Бородин.

и полностью основано на знакомстве с фокусами, устраивавшимися местными «повахами», то есть хитроумными людьми, пытавшимися оказать влияние на вождей и завоевать авторитет у народа. «Повахи» вполне профессионально обладали навыками демонстрации фокусов и знали лекарственные травы и медицинские секреты. Колонисты же были неспособны выявить истинную суть происходящего: трюки иллюзионистов и связанный с ними обман. Однако, по мнению преподобного Коттона Мэзера⁸⁸ («Магналии», книга VI⁹⁰⁸⁹), эти индейские фокусники не обладали способностями, превышающими умение составителя календарей или обычной гадалки. «Они, – как пишет доктор, – повсеместно признавали множество богов и поклонялись им, и следовательно, у них были в большом почёте жрецы, «повахи» или колдуны, которые, как считалось, имеют возможность напрямую беседовать с богами. И, конечно, во всех затруднительных случаях обращались к ним, потому было бы нежелательным, чтобы их достоинство, как они его понимали, страдало бы от общения с духами ада. Не всем «повахам» удавалось добиться результата, но они постепенно достигали совершенства либо путём мгновенного озарения, либо благодаря использованию определённых ритуалов и церемоний, результат которых был традиционно предопределён. Видя это, многие родители в силу собственного рвения служить богам часто посвящали им своих детей и обучали их соответственно, заставляя детей соблюдать определённую диету, ограничивали в сне и т.п.; хотя, несмотря на все эти ухищрения, тайное знание открывалось немногим. Можно предположить, что если бы колдовская практика пользовалась уважением, всё время демонстрировалась бы возможность смертных общаться с адскими духами. Я хотел бы в связи с этим упомянуть об одном, несколько лет назад скончавшемся «повахе», не имевшем ни малейшего понятия об астрологии, но способном точно сказать тому, кто прибегал к его помощи, где находятся украденные у того человека вещи и как они туда попали, и прочее в том же роде. «Повах» никогда не скрывал, что получал эти сведения *непосредственно от бога, подчинённого тому, кому поклоняются англичане*. Этот провидец, который, по словам одного англичанина, безусловно заслуживал доверия (он мне потом и рассказал об этом случае), пожелал сообщить ему, кто забрал украденный у того товар. Англичанин обратился к нему, поскольку не раз был свидетелем его проницательности. Однако «повах» предварительно сделал паузу и осведомился, почему тот обратился именно к нему, раз он поклоняется иному Богу? В этом случае он помочь бессилён. Однако «повах» тут же добавил: «Если вы искренне верите, что мой бог вам поможет, постараюсь сделать всё, что в моих силах». Эта фраза удержала англичанина от дальнейших расспросов. Несколько отклоняясь от темы, я хотел бы уведомить читателя, что жена «поваха» была богобоязненной женщиной, жившей по обрядам и заветам христианства, причём не только с согласия, но и по настоянию мужа. Она часто молилась в кругу семьи и по праздникам Господним посещала общие молитвенные собрания. Сам муж заявлял, что не смеет её осуждать, ибо она поклоняется Богу, который старше его бога; но, что касается его лично, то продолжающееся доброе к нему отношение со стороны своего бога не позволяет ему перестать в него верить». Из вышеприведённого и других сходных отрывков следует, что доктор Коттон Мэзер, честный и преданный вере человек, но в достаточной степени легковёрный, так и не понял смысл поведения терпимого «поваха». Последний хотел избежать необходимости демонстрировать своё искусство европейцу, и он нашёл оригинальное оправдание, признав превосходство Бога народа, столь превзошедшего его собственным могуществом и прочими достижениями, ибо отсюда для него напрашивался само собой разумеющийся вывод, что превосходство это распространяется и на объект поклонения.

⁸⁸ Коттон Мэзер (1663–1728) – известный богослов, выпускник Гарвардского университета, автор ряда книг по демонологии и колдовству. Несмотря на то, что он весьма критически относился к возможностям «слуг дьявола», своим авторитетом способствовал широкомасштабным репрессиям против так называемых «салемских колдуний», о чём подробнее будет рассказано позже. – Прим. перев.

⁸⁹ «О замечательных милостях Божественного Провидения». – Прим. к изданию 1885 г.

Ещё одна история даёт нам возможность сделать вывод, что европейский колдун считался намного выше местного североамериканского чародея. Среди множества экстравагантных деятелей из среды шотландских диссентеров⁹⁰ XVII века, ныне канонизированных скопом усилиями тех, кто видел этих диссентеров в свете их противостояния епископальному управлению церковью⁹²⁹¹, был некий капитан корабля, прозванный за его габариты Могучий Джон Гибб. Этот человек, а также некий Джеми, ещё двое-трое мужчин и человек двадцать-тридцать прикнувших к ним женщин в своём энтузиазме дошли до предела. Гибб встал во главе группы, отправившейся вместе с ними в «вересковый край», и у Форда Мосс, между Эйртом и Стерлингом, они сожгли свои Библии в знак торжественного принятия новой веры. Их затем схватили и приговорили к тюремному заключению. Остальные же диссентеры, которых правительство тоже преследовало в той или иной степени и которые сами весьма страдали от этого, тем не менее сочли себя оскорблёнными, коль скоро эти несчастные, обезумевшие люди не были приговорены к смертной казни за столь экстравагантные богохульства; более того, они стали в этой связи говорить о случившемся как о новом преступлении герцога Йоркского, который, хотя и не очень-то отличался терпимостью, но в данном случае решил, что режим исправительного дома гораздо больше поможет несчастным последователям Гибба прийти в чувство, чем демонстративная суровость публичного суда и виселицы. Камеронцы⁹³⁹², однако, сделали всё от них зависящее, чтобы подправить столь скандальную снисходительность. Когда Могучий Джон Гибб, их товарищ по заключению, пытался помешать молитвам в тюремных стенах и начинал маниакально выть, двое из них по очереди держали его и принуждали к молчанию, засовывая салфетку в рот. Но когда этот способ усмирения несчастного еретика оказывался хотя и весьма наглядным, но недостаточно удобным или эффективным, за дело брался камеронец Джордж Джексон, увы, окончивший свои дни на виселице. Как-то раз он придавил маньяка руками и ногами к стене и избил столь сильно, что прочие перепугались, уж не убил ли тот его на месте. После столь поучительного примера братского наказания лунатик, чтобы избежать повторения подобного обращения, как только заключенные начинали молиться, прятался за дверь и там, засунув в рот собственную салфетку, сидел и тихо подвывал, как мальчишка-губиян, наказанный за невоспитанность. Но когда Джона Гибба наконец переправили в Америку, его, как нам известно, страшно полюбили язычники за постоянное общение с дьяволом во плоти и приносили ему жертвы. «Он, – как пишет Уокер, – умер там году в тысяча семьсот двадцатом». Отсюда нельзя не сделать вывод, что требования туземцев к качеству общения с миром сверхъестественного были не слишком высокого уровня, поскольку они чтили несчастного безумца, как существо высшего порядка⁹⁴⁹³. В общем и целом, магия североамериканских индейцев, или искусство «повахов», не пользовалась особым почётом среди британских колонистов, коль скоро сами туземцы отдавали предпочтение тем европейцам, которые, общаясь с ними, претендовали на наличие связей с духами.

Но несмотря на низкий уровень возможностей «повахов», колонистам представлялось, что как язычники-индейцы, так и католики-французы пользовались особым покровительством демонов, которые иногда принимали их внешность и показывались в их обличье к величай-

⁹⁰ Диссентеры – совокупное название ряда сект, отделившихся начиная с XVI века от англиканской церкви, а также от шотландской епископальной церкви. – Прим. перев.

⁹¹ Епископальное управление церковью – система, принятая как англиканской, так и шотландской епископальной церковью, заключалась в том, что управление церковью носит, как и в римско-католической, иерархический характер при последовательном назначении «сверху» священнослужителей всех рангов. Ряд протестантских церквей и сект (в частности, уже упоминавшиеся диссентеры) эту систему категорически отвергают и даже придерживаются правила отбирать священнослужителей из числа самих мирян. – Прим. перев.

⁹² Речь идёт о 26-м пехотном полке английской армии, получившем своё прозвище по имени основателя полка, ковенантера Ричарда Камерона. – Прим. Т. Бородиной.

⁹³ См. Патрик Уокер. Биографии пресвитериан. Т. II, стр. 23; его же «Суд Божий над гонителями», а также «Историю» Водроу, раздел о Джоне Гиббе. – Прим. к изданию 1885 г.

шему беспокойству поселенцев. Так, например, в 1692 году отряд настоящих – или воображаемых – французов и индейцев время от времени демонстрировал себя колонистам города Глостер в графстве Эссекс в Новой Англии, что встревожило всех вокруг, вызвало множество стычек с англичанами и послужило причиной формирования двух полков и направления сильного подкрепления в помощь поселенцам. Но поскольку эти визитёры, наводившие страх почти две недели, хотя и вели перестрелку с колонистами, однако, никого не убили и ни с кого не сняли скальп, англичане пришли к убеждению, что это вовсе не были настоящие индейцы или французы, что это дьявол и его пособники приняли их облик, но так и не сумели обратить его себе на пользу и принести вред колонии⁹⁴.

Похоже, суеверные представления, позаимствованные более невежественными новообращёнными христианами из обломков классической мифологии, настолько глубоко укоренились в умах потомков, что вера их в демонологию подкреплялась практикой языческих народов как в пределах Европы, так и в любой точке земного шара, куда христиане приходили с оружием. Одним словом, можно с уверенностью принять за основу, что общепризнанная доктрина демонологии, имеющая единые очертания, но не всегда схожая в деталях из-за преобладающих фантазий отдельных народов, её принявших, существовала в Европе повсеместно. Похоже, первоначально она основывалась на чувствах, присущих человеческому сердцу, или болезнях, которым подвержен человеческий организм, и в значительной степени подкреплялась классическими суевериями, уцелевшими на развалинах язычества, к тому же, подпитывалась мнениями и суждениями, бытовавшими в варварских странах, неважно, на западе или на востоке. А теперь необходимо более детально заняться вопросом, из каких конкретных источников люди Средних веков черпали понятия, постепенно сложившиеся в систему, приобретающую форму демонологии.

⁹⁴ «Магналии», книга VII, глава XVIII. Факт этот также отмечается в книге «Жизнеописание сэра Вильяма Фиппса». – Прим. к изданию 1885 г.

ПИСЬМО III

*Учение Зороастра*⁹⁵. – *Его частичное распространение среди множества языческих народов. – Случаи, встречающиеся среди кельтских племён в Шотландии. – Праздник Бельтайн. – «Земля для добрых дел». – Отклонения, проникшие в христианство в ранний период истории Церкви. – Римские законы против колдовства. – Римские обычаи, пережившие надежды своей религии. – Примеры. – Демонология северных варварских народов. – Никсас. – Баргейст. – Связь между ведьмами Севера и Рима. – Способность «отводить глаз», приписываемая колдуньям. – Пример из «Eyrbyggja saga»*⁹⁷⁹⁶. – *Германские пророчицы. – Не слишком почтительное отношение верующих к богам Валгаллы. – Частая победа над ними героев. – Демоны Севера. – История Ассвейта и Асмунда. – Изгнание привидений. – Приключения одного из героев и богини Фрей. – Обращение язычников Исландии в христианство. – Суеверия Севера в сочетании с кельтскими. – Сатиры с Севера. – Горный оуриск. – Сатур Меминг.*

Учение Зороастра, естественный смысл которого заключается в безусловном признании чистым разумом одновременного существования добра и зла в видимом мире⁹⁸, в том или ином виде предполагает сосуществование доброго и злого начал. Они противостоят друг другу, но ни один из них не может решительно одержать верх над своим антагонистом. Это приводит к тому, что страх и благоговение глубоко проникает в человеческое сознание и возникает поклонение дьяволу, невероятно впечатляющему во всех своих проявлениях, первопричиной этому считается доверчивость человека. То же самое можно сказать и о его Великом противнике, которого любят и почитают как Отца всего доброго и благодатного. Вот какова робкая сервильность человеческой природы: верующие скорее пренебрегут алтарём Творца всего доброго, но не Аримана⁹⁹, безразлично полагаясь на общеизвестное милосердие первого, но содрогаясь от одной мысли о возможности навлечь на себя неудовольствие и мстительную ревность ужасающего отца всех зол.

Кельтские племена под различными названиями, по-видимому, первоначально населявшие Европу, обладали, наряду с прочими дикарями, естественным стремлением поклоняться злему началу. Быть может, они не почитали Аримана как такового, под любым его названием, и не считали злых божков достаточно сильными, чтобы вступить в прямую схватку с более благожелательными божествами; и всё же они считали необходимым задабривать их разного рода искупительными обрядами и молитвами, чтобы те, а также бури, находящиеся, как они полагали, в их прямом подчинении, были бы милостивы к молящимся, признающим их власть и устрашающим их гнева.

Остатки этих суеверий можно было бы проследить вплоть до второй половины прошлого столетия, и крестьяне несмотря на то, что эти представления быстро пропадали или станови-

⁹⁵ Зороастр (Заратустра) — легендарный пророк, основатель религиозного учения, позднее получившего имя зороастризма и распространившегося в Персии, части стран Ближнего Востока и Закавказья. Важнейшая особенность зороастризма — синтез монотеизма и ярко выраженного дуализма, представления о противоборстве доброго и злого начал. — Прим. Т. Бородиной.

⁹⁶ «О людях с Песчаного Берега», исландская родовая сага. См. Исландские саги/Циммерлинг А. В., Агишев С. Ю. — М., 2004. — Т. 2. — Прим. перев.

⁹⁷ Равновеликость могущества добра и зла не является исключительной принадлежностью зороастризма, и борьба носителя светлого начала — Ормузда с воплощением тьмы — Ариманом имеет своим аналогом множество мифологических ситуаций иных верований. Аналогичные течения и сектантские отклонения имели место и в монотеистических религиях (в христианстве — манихейство). — Прим. перев.

⁹⁸ Ариман (Ангра-Майнью) — В иранской (персидской) мифологии «злой дух» — олицетворение зла в зороастризме; бог тьмы и смерти, олицетворение всего дурного, противник Ахурамазды (Ормазда, Ормузда), верховного божества, сотворившего бытие. — Прим. Т. Бородиной.

лись просто расхожими обычаями, следовали им, не задумываясь об их происхождении. Примерно в 1769 году, когда мистер Пеннант¹⁰⁰ совершал свою поездку, церемония праздника *Бельтайн*, или Первого Мая, хотя и различалась в отдельных районах горной Шотландии, но строго соблюдалась, и пирог, который пекли, скрупулёзно соблюдая определённые ритуалы и обряды, делился на кусочки, которые официально предназначались хищным зверям и птицам, чтобы те, а точнее, та сила, представителями которой они являлись, пощадила стада мелкого и крупного скота¹⁰¹.

Ещё один обычай подобного происхождения сохранился у нас и позднее. Во многих приходах Шотландии выделялся определённый участок земли, который назывался «землёй для добрых дел», который никогда не вспахивали и не засеивали, но оставляли невозделанным, подобно «теменам» при языческих храмах. И хотя прямо об этом не говорилось, никто не сомневался, что «земля для добрых дел» выделялась для какого-то носителя зла. Понималось даже, что этот участок принадлежит непосредственно Архиврагу рода человеческого, о котором наши предки и говорили при помощи иносказания, ибо все понимали, что такого рода оборот не будет обиден для сурового обитателя мира отчаяния. Этот обычай был до такой степени распространён, что Церковь опубликовала по этому поводу ордонанс, осуждающий это явление как неблагочестивое и богохульное.

Усилиями священнослужителей этот конкретный обычай был выведен из употребления в XVII веке; но должно быть есть ещё много живых свидетелей, которым в детстве довелось изумлённо взирать на пятна и полосы необработанной земли. Их учили, что, доведись плугу вонзиться в эту почву, первичные духи непременно выкажут своё неудовольствие, насылая бури и грозы. Насколько нам помнится, множество подобных мест, обречённых на бесплодное существование вследствие какого-нибудь распространённого местного суеверия, попадалось как в Уэльсе и Ирландии, так и в Шотландии. Но высокие цены на сельскохозяйственные продукты во время последней войны поставили под сомнение дальнейшее почтительное уважение к этим землям, во исполнение суеверия с бородой, так что святость их наверняка нарушена.

Долгое время горная гряда Сит Бруайт также была окружена прочным суеверным ореолом – считалось незаконным и опасным рубить там лес, копать землю, извлекать камни или иным образом тревожить эти места¹⁰².

На первый взгляд может показаться странным, как это христианская религия могла позволить сохранять столь значительные и столь нечестивые по сути остатки язычества в стране, где доктрины христианства стали универсальными. Но это не покажется удивительным, если припомнить, что при языческих императорах обращение в христианскую веру производилось по призыву апостолов и святых, наделённых для такого случая красноречием и даром творить чудеса, что и способствовало надлежащему осуществлению миссии. Эти новообращённые были в массе своей теми самыми избранными, кто был призван формировать церковь во младенчестве; а когда лицемеры осмеливались, подобно Анании и Сапфире¹⁰³, втереться в столь избранное общество, они, по соизволению Господню, изобличались и карались. Напротив, народы, обращённые в христианство уже после того, как оно стало религией империи, не прошли столь тщательный отбор, имевший место в те времена, когда церковь состояла из немногочисленной группы лиц, сознательно отказавшихся от ошибок и заблуждений языческой веры. Первообращённые шли на полное самоотречение, не страшась никаких преследований. Когда же крест одержал победу и дело его более не требовало руководства со стороны

⁹⁹ Томас Пеннант (1726–1798) – член Королевского общества, натуралист, путешественник, писатель и антиквар. – Прим. Т. Бородиной.

¹⁰⁰ См. книгу Пеннанта «*Scottish Tour*» («Поездка по Шотландии»), том I, стр. 111. Путешественник отмечает, что праздник подобного рода в это время отмечался и в Глостершире. – Прим. к изданию 1885 г.

¹⁰¹ См. «Очерки подземного мира» Роберта Кирка, священника из Эберфойла. – Прим. к изданию 1885 г.

¹⁰² См. Деян., 5:1–11, Синодальный перевод. – Прим. Т. Бородиной.

носителей вдохновения или свидетельств чуда, чтобы укрепить шаткую веру, само собой разумеется, нашлось множество таких, кто избрал христианство лишь потому, что оно стало господствующей верой, и кто рассчитывал на церковь как на самый быстрый способ упрочить своё положение, и даже, наконец, таких, кто, хотя и был готов отказаться от почитания языческих божеств, но ещё не в состоянии был полностью освободить свой разум от языческих ритуалов и обрядов. Почему бы, думалось им, не соединить эти ритуалы с более простой и могучей верой? Что из того, если та с отвращением отвергает столь нечистый союз? И если так обстояли дела даже в Римской империи, где обращённые в христианскую веру могли рассчитывать на готовность более давних членов Церкви дать им надлежащие и грамотные наставления, то сколь несовершенным было восприятие новой религии иноземными и варварскими племенами, когда священники-энтузиасты крестили их сотнями в день? В ещё меньшей степени мы можем считать получившими знания о христианстве тех людей, которые, не имея понятия о вере в подлинном и совершенном смысле этого слова, всего лишь следовали выбору любимого вождя, придавая перемене веры не больше значения, чем смене одежды. Столь поспешно обращённые, полагающие себя христианами, но ни отказавшиеся от старых верований, вошли в святилище, не оставив за порогом суеверий, которыми были напичканы их юные умы; и привыкши к многобожию, некоторые из них, способные, в отличие от прочих, размышлять на эту тему, возможно, придерживались того мнения, что, признавая Бога христиан, они не должны были отказываться и от служения низшим силам.

И если бы и на самом деле законы империи имели бы хоть какое-то значение для этих свирепых варваров, которые считали, что сама империя вот-вот станет их законной добычей, они бы, наверное, знали, что Константин, рассматривавший деятельность так называемых магов и колдунов в том же свете, что и Закон Моисея, карал смертью тех, кто незаконным образом пытался узнать будущее. «Да умолкнет в каждом отныне и вовеки, – гласил закон, – беззаконное любопытство, пытающееся вторгнуться в будущее¹⁰³. Ибо карающий меч закона накажет его смертью, если он пренебрежёт нашими требованиями по данному вопросу».

Если, однако, мы взглянем попристальнее в этот законодательный акт, то вынуждены будем прийти к выводу, что гражданское право вовсе не базировалось на запретах и карах Священного Писания. Хотя оно и осуждает «искусство математики» (ибо в те времена наиболее мистическая и неопределённая из всех наук, настоящих или ложных, носила имя той, что в наши дни считается наиболее точной) как достойный проклятия род занятий, категорически запрещает им заниматься и объявляет, что те, кто предаются этому роду деятельности, будут казнены огнём как враги рода человеческого – и всё же причины для столь сурового обращения представляются иными, чем лежащие в основе законоположений Моисеевых. Значительность этого преступления у евреев была связана с тем, что чародеи занимались богохульными деяниями и совершали преступление против теократической формы правления, учреждённой Иеговой. Римские же законодатели, с другой стороны, были в основном обеспокоены угрозой личности государя и спокойствию империи, которая могла бы возникнуть вследствие любых попыток, призывающих к изменению существующего порядка вещей. Таким образом правящие императоры стремились взять под контроль занятия математикой (так они обозначали искусство прорицания) скорее из политических, чем из религиозных соображений, ибо мы прослеживаем в истории империи, как часто лишение суверена трона и даже его смерть являлись следствием заговора или бунта, основывавшихся на ложных пророчествах. Если рассматривать данное преступление именно под этим углом зрения, то следует брать пример с тех, кто составлял законы *Двенадцати таблиц*, что и сделали законоведы в более поздний период существования империи¹⁰⁴. Ложная по направленности любовь к богам, которую Гораций реко-

¹⁰³ «Кодекс», кн. IX, разд. 18, главы 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8. – Прим. к изданию 1885 г.

¹⁰⁴ Согласно этому более древнему кодексу, смертная казнь действительно декларировалась по отношению к тем, кто

мендовал сельской нимфе Фидиле¹⁰⁵, являлась бы преступлением самого низкого пошиба в глазах новообращённого христианина и стала бы поводом для отлучения из-за возвращения к языческим обрядам. Однако он мог бы сохранять свои прежние верования, полагая, что, хотя он более не имеет права чтить Пана и Кер как богов, но волен бояться их в новом качестве демонов. Определённый компромисс между страхом и совестью у новообращённых был естественен в те времена, когда церковь более не состояла исключительно из святых, мучеников и исповедников, учеников боговдохновлённых апостолов. Тем более что их священникам-наставникам также было свойственно ошибаться и становиться жертвами человеческих страстей. И поэтому новообращённые прибегали к чарам – не в порядке поклонения бывшим богам, а как к ритуальному средству, которым их предшественники-язычники пытались предотвратить зло и заручиться покровительством добрых сил.

Когда подобная вера во враждебные принципы и измышления стала в Римской империи всеобщей, то вследствие невежества её диких завоевателей, франков, готов, вандалов, гуннов и прочих слоёв непросвещённого человечества, они оказались подвержены ошибочным представлениям, против которых их предостерегали лишь немногие здравомыслящие священники. И мы должны скорее удивляться и восхищаться снисходительности Господней, благодаря которой столь грубые и неотёсанные народы попали в луч света Евангельского и смогли приобщиться к религии, совершенно не сочетающейся с их воинственными привычками, и Его терпимости к тому, что они одновременно восприняли столь значительные суеверия, восходившие к языческим временам, а также сохранили значительное число собственных, являвшихся составной частью их прежних верований.

Таким образом, несмотря на то что троны Юпитера и прочих верховных богов языческого пантеона были опрокинуты и разбиты на куски, осколки поклонения им и множество прежних ритуалов уцелело при переходе к христианству. Более того, они сохраняли своё существование и в более поздние, просвещённые времена, хотя те, кто ими пользовался, не имели ни малейшего понятия, для чего они первоначально служили. Мы можем наугад назвать один-два обычая античного происхождения в дополнение к празднику Белтайн и иным, уже упоминавшимся, которые остаются примером того, как образ жизни римлян задавал тон на большей части острова Британия, по крайней мере в той его части, которая располагалась к югу от стены Севера¹⁰⁶.

Вот обычаи, всё ещё существующие на юге Шотландии, которые как раз можно отнести к этому разряду. Невеста, когда она входит в дом мужа, переносится через порог на руках, ибо ступить на него или переступить его считается дурным знаком. Этот обычай был повсеместно распространён в Риме, ибо он соблюдался там как напоминание о похищении сабинянок¹⁰⁷, поскольку именно демонстрация силы по отношению к женщине позволяла, с их точки зрения, заселить город. Столь же ритуально над головой невесты ломают сладкий пирог, специально испечённый для этой цели. Это тоже – отзвук классической древности.

уничтожал урожай, вызывал бури или перемещал в собственные хранилища плоды земли. Однако к счастью, он позволял сельскохозяйственным труженикам пользоваться любыми средствами по своему усмотрению, чтобы делать поля тучными и плодородными. Согласно Плинию, некий Кай Фурий Кресин, римлянин, владевший скромным имением, выращивал более крупные урожаи, имея маленькое поле, чем его соседи, имевшие гораздо более обширные владения. Он предстал перед судом по обвинению в том, что заколдовывал плоды земли с соседних владений, делая их своей собственностью. Кресин появился перед судьёй и, сумев доказать, что плодородие его земель обеспечивается исключительно его собственным упорным и непрерывным трудом, а также исключительным умением правильно вести хозяйство, был отпущен на свободу с величайшими почестями. – Прим. к изданию 1885 г.

¹⁰⁵ Ссылка на «Оды» Горация (III, 23). – Прим. Т. Бородиной.

¹⁰⁶ Люций Септимий Север – римский император (146–211 н.э.), при котором была построена стена на севере Англии, представлявшая собой защитно-оборонительное сооружение. – Прим. Т. Бородиной.

¹⁰⁷ Легенда из ранней истории Рима повествует о похищении незамужних сабинянок. По Плутарху, «похитители руководствовались не дерзким своеволием, не желанием нанести обиду, но мыслью соединить оба племени неразрывными узами, слить их воедино». – Прим. Т. Бородиной.

Не случайно шотландцы, даже высокого ранга, избегали совершения брака в мае, когда начинается сезон цветов и прохлады, казалось бы, столь благоприятный. Так, брак Мэри с распутным графом Босвеллом¹⁰⁸ вызывал возражения ещё и потому, что союз был скреплён в тот самый запретный месяц. Этот предрассудок до такой степени укоренился среди шотландцев, что в 1684 году группа энтузиастов, прозванных гиббитами, специально предложила упразднить его официально наряду с длиннейшим перечнем праздников, постных дней, папистских пережитков, а также бытовых названий дней недели, наименований месяцев и всевозможных глупых и суетных обрядов, на которые обратила внимание их чуткая совесть. Это возражение против заключения браков в мае, хотя ухаживание в этот месяц разрешалось, также заимствовано от языческого Рима, и если бы упомянутые фанатики об этом знали, то это стало бы дополнительным доводом в пользу анафемы упраздняемому обычаю. Древние оставили нам в наследство максимум, гласящую, что лишь дурные женщины заключают брак в мае¹⁰⁹.

Обычай говорить «будьте здоровы!» восходит ко временам чумы в Афинах, когда чихание больного означало, что наступил кризис, и эта фраза произносилась в надежде, что больной получал шанс на выздоровление.

Но кроме этих и многих других обычаев, которые усвоены европейскими народами со времён античности и которые не являются нашим предметом исследования, до них из того же источника дошла огромная масса суеверий и предрассудков, которые, смешавшись и слившись воедино с вывезенными из собственной страны, заложили основы и сформировали облик демонологических поверий, дошедших почти что до наших времён. Никсас¹¹¹, или Никса, бог речных или океанских вод, почитаемый на берегах Балтики, похоже, бесспорно происходит от Нептуна и обладает всеми его атрибутами. На фоне сумрачных зим и могучих бурь, господствующих в столь мрачных краях, выбор этого божества как силы, в наибольшей степени враждебной человеку, был вполне понятен, и сверхъестественные свойства, которыми наделено это божество, дошли до наших времён по двум различным направлениям. Никса германцев – это одна из очаровательных и прелестных фей, кого древние называли наядами; и если гордость её не уязвлена или ревность её не пробуждена непостоянным возлюбленным, нрав её обычно тих, а деяния благожелательны. «Старина Ник», известный в Англии, является столь же подлинным наследником северного морского божества и обладает значительным количеством его могущества и устрашающих качеств. Британский моряк, который не боится ничего на свете, признаётся, что ему не по себе от близости этого ужасного создания, и верит в то, что именно Ник порождает все многочисленные беды и несчастья, подстерегающие моряка в его нелёгкой жизни.

Бар-гест или Бар-гейст, зовущийся так в различных частях Англии, а особенно известный в Йоркшире, также носит имя Доби, местного призрака, способного облюбовать какое-то место, принимая различные формы. Как подсказывает имя божества, оно тевтонского происхождения; и если верить тем, кто сообщил эти сведения автору, множество семей, носящих фамилию Доби, имеют в своём гербе изображение фантома или призрака¹¹², наглядное свидетельство того, что даже если это слово просто было избрано в качестве имени собственного, его исходное происхождение далеко не забыто.

¹⁰⁸ Имеется в виду брак шотландской королевы Марии Стюарт с предполагаемым убийцей её второго мужа, вызвавший в Шотландии общее возмущение. Венчание состоялось 15 мая 1567 г. – Прим. перев.

¹⁰⁹ «Майи» выходят замуж в мае. – Прим. к изданию 1885 г.

¹¹⁰ В фольклоре скандинавских народов никсы — водяные феири, живущие в реках и ручьях, а также в прибрежных морских водах. – Прим. Т. Бородиной.

¹¹¹ Тот же самый смысл придавался по тем же причинам фамилии Фантом, на чьём гербе изображён старый гоблин или фантом, идущий в соболиной мантии и нарисованный на лазурном фоне. Расшифровка смысла обеих фамилий базируется на так называемой геральдике сплетен и слухов, за которой многими авторами не признаётся научный характер, но ею во всём объёме пользуются те, кто занимается искусством составления гербов. – Прим. к изданию 1885 г.

В античной мифологии можно найти многочисленные точки соприкосновения с германцами, датчанами и норманнами более позднего периода. Древние признавали могущество Эрикто, Канидии и других волшебниц, чьи заклятия давали возможность повлиять на стихии, перехватить солнечные лучи и тем самым воспрепятствовать их доброму воздействию на плоды земные, могли низвести месяц с отведённой ему сферы и нарушить извечный ход светила как словами и чарами, так и властью злых духов, которых они способны были вызывать. Они также были профессионально посвящены во все мистические и тайные обряды и церемонии, использовавшиеся, чтобы вызвать благосклонность адских сил, чьи намерения считались тёмными и непонятными, а сферы обитания – мрачными и непогожими. Такого рода старухи часто занимались осквернением непогребённых тел, и существовало поверье, по крайней мере среди простонародья, что опасно оставлять тела мёртвых без присмотра, иначе ими займутся ведьмы, которые извлекут самые отборные ингредиенты, при помощи которых станут проявлять свои чары. Кроме того, нельзя забывать, что эти отвратительные колдуньи обладали способностью превращаться и превращать других в четвероногих животных, ничем не отличающихся от их природных собратьев. Поэты языческих времён, такие как Лукиан¹¹² и Апулей¹¹³, будучи ещё и авторами прозаических произведений, приписывали все эти способности ведьмам языческого мира, наделяя их также талантами отравительниц и изготовителей волшебных снадобий, привораживающих молодых и красивых. Как раз именно этими свойствами в большей или меньшей степени обладали, в представлении людей Средневековья, ведьмы того времени.

Однако, усвоив суеверия древних, завоеватели Римской империи объединили их с подобными же поверьями, бытовавшими в местах их прежнего расселения на Севере, где существование старух-колдуний подобного рода занимало огромное место в сагах и хрониках. Достаточно даже поверхностного знакомства с этими сочинениями, чтобы заметить, как Гальдракинна скальдов напоминает античную стригу¹¹⁴ или волшебницу более древних времён. Представления северян о ведьмах не содержали ничего антирелигиозного касательно их ремесла. Напротив, обладание магическими знаниями являлось специфическим атрибутом самого Одина¹¹⁵; а обращение к божеству и требование наставить в каком-либо интересующем просителя деле воспринималось не как акт непочтительности, а как подвиг и проявление максимальной смелости со стороны сынов меча и копья. Их жены весьма славились умением пользоваться магией, пророческими способностями, искусством создавать иллюзии; и если они и не были способны изменять формы человеческого тела, то умели по крайней мере «отводить глаз» своих противников и скрывать от них на какое-то время предметы, являвшиеся объектом их поисков.

В «*Eyrbyggja saga*» («История Эйре»)¹¹⁶ есть замечательная притча, где рассказывается о результате соперничества двух женщин, владеющих подобным даром. Одна из них вознамерилась обнаружить и предать смерти сына другой, которую звали Катла, за то, что он во время ссоры отрезал руку невестки Гейридд. Люди, направленные чтобы отомстить за причинённое зло и предать смерти Одд, вернулись, обманутые ухищрениями его матери. Они обна-

¹¹² Лукиан из Самосаты (ок. 120 – ок. 190) — древнегреческий писатель-сатирик. – Прим. Т. Бородиной.

¹¹³ Апулей (ок. 125 – ок. 180) — древнеримский писатель, автор авантюрно-аллегорического романа «Метаморфозы» («Золотой осёл»), в котором присутствуют элементы религиозной мистики, «Апологии» — речи в собственную защиту против обвинения в магии, и трактата «О Сирийской богине». – Прим. Т. Бородиной.

¹¹⁴ Стриги в римской мифологии – ведьмы, потомки греческих гарпий, злоешие женщины-птицы, питающиеся плотью и кровью новорождённых. Эти ночные создания якобы проникали в дома через окна и похищали младенцев из колыбелей. – Прим. Т. Бородиной.

¹¹⁵ Один или Вóтан – широко почитаемое германское божество, верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов. Мудрец и шаман, знаток рун и сказов (саг), царь-жрец, колдун-воин, бог войны и победы. – прим. Т. Бородиной.

¹¹⁶ См. Исландские саги. Т. 2/Пер. А. В. Циммерлинга. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Прим. Т. Бородиной.

ружили только Катлу и рассказали, что та пряла лён, лежавший в огромном ларе. «Дурачьё! – воскликнула Гейридд. – Этот ларь и есть тот самый мужчина, которого вы искали». Те вернулись, забрали ларь и сожгли его. Но ко второму их приходу она уже придала сыну облик ласкового козлёнка. В третий раз он превратился в кабана, копавшегося в золе. Те пришли ещё раз, и, как доложила стоявшая на страже одна из служанок Катлы, с ними был некто в голубой мантии. «Увы! – проговорила Катла. – Это волшебница Гейридд, против которой не действует никакое заклятье». И тогда противная сторона, зайдя в четвёртый раз, схватила объект ненависти и предала его смерти¹¹⁷. Подобный вид колдовства широко известен в Шотландии, где его называют «блеск»¹¹⁹¹¹⁸ (иными словами, «наваждение», «обман зрения»), и его также считают особым свойством цыганской расы.

Не стоило бы при этом забывать и о пророчицах, пользующихся величайшим уважением у германских племён, которые, как уверяет нас Тацит¹²⁰¹¹⁹, добивались высочайших должностей в племенных советах, ибо, как полагали, они обладали сверхъестественным знанием, и потому даже участвовали в управлении войском. И этот обычай был до такой степени повсеместно распространён на Севере, что довольно часто можно было встретить женщин, которые благодаря предполагаемому умению заглядывать в будущее и проявляемому при этом божественному вдохновению достигали уровня «хаксы», то есть главной жрицы, и отсюда происходит «хексе» – слово, которым в современном немецком языке обозначается ведьма. Это обстоятельство чётко демонстрирует тот факт, что система мифов древних обитателей Севера снабдила современный язык подходящим словом, обозначающим женщин, имеющих сношения с миром духов¹²¹¹²⁰.

Неоспоримым фактом является то, что эти пифии во времена господства языческой веры пользовались величайшим уважением; но именно по этой причине личности их стали одиозными, как только племя приняло христианство. И если они делали вид, что сохраняют прежнее могущество, то их либо презирали как самозванок, либо боялись как колдуний. Более того, в отдельных случаях их опасались из-за могущества, и тогда они навлекали на себя ещё большее презрение, поскольку считалось, что этой силой наделял их сам Враг рода человеческого. Божества северных язычников претерпели подобную же метаморфозу, напоминающую угрозу Дракансира из «Репетиции»¹²²¹²¹, где тот угрожал, что «богов заставят обратиться в дьяволов».

Воины Севера с абсолютным безразличием восприняли новые веяния относительно могущества прежних богов и источника его обретения, ибо их поклонение им по мере становления мифологии никогда не носило почтительного или чересчур набожного характера. Они настолько высоко ценили собственное человеческое превосходство, что отдельные герои даже хвастались, на что мы уже намекали, будто они не проиграют битвы даже с самими бессмертными богами¹²³¹²². Таково, как нам известно от Цезаря, было представление германцев отно-

¹¹⁷ «Эйрбигг-сага», из сборника «Северные древности». – Прим. к изданию 1885 г.

¹¹⁸ Здесь автор в оригинале приводит шотландское слово «glamour», от которого, собственно, и происходит современный термин «гламур». – Прим. перев.

¹¹⁹ См. трактат «Германия» римского историка Публия Корнелия Тацита (ок. 58 – ок. 117). – Прим. Т. Бородиной.

¹²⁰ Стоит отметить, что слово «хакса» до сих пор бытует в Шотландии, и им обозначается женщина-друид или главная жрица, а также называются места, где эти женщины исполняют свои обряды. На западном склоне Эйлдонских гор есть невысокий вал, который, по словам мистера Милна, давшего описание прихода Мелроуз, называется «бурджо», этимология которого неизвестна, и это место зовётся так до сих пор. Согласно всеобщему, до сих пор бытующему мнению, в древние времена здесь совершались человеческие жертвоприношения, причём зрители могли наблюдать за церемонией с откоса вала, направленного внутрь. К этому месту жертвоприношений до сих пор идёт тропа, всё ещё заметная и носящая имя «Хакселл-гейт», и ведущая к небольшой полянке, или просеке, зовущейся «Хакселл-клу», причём оба эти названия, по-видимому, являются производными от «хакса» – «главная языческая жрица». – Прим. к изданию 1885 г.

¹²¹ Дракансир — персонаж пьесы Дж. Вилльерса, герцога Бэкингема «Репетиция» (1672). – Прим. Т. Бородиной.

¹²² Как уже отмечалось ранее, Вальтер Скотт, по-видимому, имел лишь поверхностное представление о скандинавской мифологии. Об этом косвенно можно судить, в частности, по отсутствию ссылок на такие источники, как, например, «Стар-

сительно свефов или швабов, племени, которым прочие племена отдавали пальму первенства в отношении храбрости; и в сагах приводится множество рассказов о том, как герои-храбрецы сражались не только с волшебниками, но и своими полубогами, и выходили из схватки если не победителями, то по крайней мере целыми и невредимыми. К примеру, Хотер¹²⁴¹²³ схватился в бою с богом Тором, подобно Диомеду в «Илиаде», сразившемуся с Марсом, и весьма успешно. Бартольсин¹²⁵¹²⁴ также приводит многочисленные примеры такого же рода. «Знай же, – говорит Къяртан Олафу Трюгтвассену¹²⁶¹²⁵, – что я не верю ни в идолов, ни в демонов. Я странствовал во множестве чужих земель и встречал разных великанов и чудовищ, но никогда не был побеждён ими; и потому я верю лишь в силу собственного тела и твёрдость собственного духа». Другой подобный же ответ, но ещё более широкого плана, был дан Гаукатером¹²⁷¹²⁶ королю Норвегии Олафу Святому¹²⁸¹²⁷: «Я ни язычник, ни христианин. Мои товарищи и я сам исповедуют одну лишь веру: в собственную силу и непобедимость в битве. Она самая совершенная». Такого рода предводители принадлежали к секте Мезенция¹²⁹¹²⁸: «Вы, о боги мои, копё и рука! Помогите в этом бою!»¹³⁰¹²⁹.

И неудивительно, что эти герои, обладая подобным складом ума, без особого почтения относившиеся к своим богам, если они их признавали за таковых, стали охотно воспринимать их как демонов, как только обратились в христианство.

Добровольно поставить себя в самое опасное положение означало доказать исключительную храбрость, чем желал гордиться каждый норманн, и в их анналах мы находим множество описаний схваток с духами, ведьмами, фуриями и дьяволами, которых «кьемпэ», или герои-чемпионы, заставляли покоряться своей силе смертных воинов и переходить к ним в услужение, отдавая в распоряжение победителя оружие и сокровища, хранившиеся в охраняемых ими пещерах.

шая Эдда», «Песнь о Вольсунгах», «Песнь о Нифлунгах» и т.п. Отсюда, вероятно, проистекает и отмечаемая нами авторская неточность, а именно употребление словосочетания «бессмертные боги» применительно к скандинавскому пантеону, ибо все без исключения эти боги, включая самых главных из них – Одина и Тора – смертны. Ибо когда «Всемирный Змей» выиграет последнюю битву перед концом света и расколет Землю пополам, разрушится Валгалла – обитель богов и героев, и настанет гибель богов, Рагнарёк. Вот почему совершенно естественно воспринимались схватки героев с богами, ибо они были равно-велики по силе. – Прим. перев.

¹²³ Имеется в виду Хедр (Hodr) – скандинавский бог, невольный убийца светлого Бальдра. В «Деяниях данов» Саксона Грамматика он зовётся Хотером и соперничает с Бальдром за любовь Нанны, дочери конунга Гевара. – Прим. Т. Бородиной

¹²⁴ «О случаях, заслуживающих порицания», кн. I, гл. 6. – Прим. к изданию 1885 г.

¹²⁵ Олаф I Трюгтвассон, иногда упоминаемый с прозвищем Воронья кость (ок. 963 – 1000) – король Норвегии с 995 по 1000 год, правнук короля Харальда Прекрасноволосого. Главный герой «Саги об Олаве сыне Трюгтви». – Прим. Т. Бородиной.

¹²⁶ Гаукатер, о котором упоминает Скотт, – персонаж «Деяний данов» Саксона Грамматика, откуда Скотт черпал свои познания в скандинавской истории и мифологии. – Прим. Т. Бородиной.

¹²⁷ Олаф II (Олаф Святой, Олаф Харальдссон, 995 – 1030) – король Норвегии с 1015 по 1028 год, представитель династии Хорфагеров, сын Харальда Гренландца. Ему посвящена «Сага об Олаве Святом». Один из самых почитаемых в Скандинавии общехристианских святых. – Прим. Т. Бородиной.

¹²⁸ Мезенций – в римской мифологии царь этрусского города Цере, воевал на стороне Турна против Энея и погиб в поединке с ним.

¹²⁹ Вергилий. Энеида, кн. X, с. 773/Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. – Прим. перев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.